

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

УДК: 327.5

ОРТИКОВ КУДРАТ САИДКУЛОВИЧ

**ФАКТОР СИЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЯХ**

5A120701 - Международные отношения

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра

Научный руководитель:

к.п.н., доц. Толипов Ф. Ф.

Ташкент - 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ФАКТОР СИЛЫ - КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.	
1.1. Фактор силы в исторической перспективе.....	9
1.2. Теоретические аспекты исследования «фактора силы» в международных отношениях.....	20
ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ФАКТОРА СИЛ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ.	
2.1. Особенности фактора сил в пост-биполярной системе.....	39
2.2. Место и роль фактора силы в урегулировании конфликтных ситуаций в международных отношениях.....	47
2.3. Позиция Узбекистана в урегулировании международных и региональных конфликтов.....	55
ГЛАВА 3. ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ИЛИ РАЗУМНАЯ МОЩЬ КАК ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	
3.1. История возникновения «Информационных войн»	64
3.2. Информационные войны в современном мире – на примере Великобритании и США в Южно Осетинском конфликте.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	82
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	85

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. С самого начала обретения государственной независимости, республики Центральной Азии столкнулись с такой важной проблемой, как обеспечение региональной и национальной безопасности. Эти обстоятельства вынудили страны Центральной Азии начать формирование системы региональной безопасности методом использования известных в политологии факторов сил.

После начала антитеррористической операции в Афганистане и размещения в центральноазиатском регионе военных баз НАТО и США, кардинально поменялся процесс формирования системы региональной безопасности, используя «жесткую силу» в Центральной Азии, военные базы иностранных государств стали неотъемлемым элементом системы региональной безопасности.

На современном этапе формирования системы региональной безопасности странам Центральной Азии, приходится сталкиваться с нетрадиционными угрозами, такими как международный терроризм, религиозный экстремизм, незаконный оборот наркотиков, пропаганда террористических идеологий и т.д.

Сила в межгосударственных отношениях во все времена является наиболее распространенным и решающим фактором в арсенале средств международных акторов. С понятием сила связана одна из центральных проблем международных отношений – проблема войны и мира. На основе силы, субъекты международных отношений судят о возможностях друг друга, строят планы своих взаимодействий, принимают жизненно важные решения для достижения своих национальных приоритетов.

Фактор силы во все времена был объектом фундаментальных исследований международных и межгосударственных отношений. С

древнейших времен сила становится не только постоянно действующим фактором международных отношений, но и находит теоретическое обоснование в трудах ученых. Сила объявляется чуть ли не единственным средством, обеспечивающим развитие государств, основой международного права. В исторической перспективе систематически наблюдается, что вполне приемлемым считается обеспечение своих интересов за счет интересов других народов. В результате этого всемирная история стала не столько историей народов, сколько историей войн. И на сегодняшний день сила выступает критерием многочисленных моделей систем международных отношений.

Отличительной особенностью узбекской внешней политики, после обретения независимости, стала формировавшаяся и реализуемая под руководством Президента Республики Узбекистан Каримова И.А. «дипломатия упреждения»¹. Узбекистан всегда стремится решать возникающие проблемы мирными средствами, последовательно и принципиально. Указанная линия направлена на своевременное предотвращение эскалации напряженности, недопущение развития конфликтных ситуаций и других негативных проявлений.

Таким образом, актуальность данной темы определяется нижеследующими факторами:

Во-первых, с распадом биполярной системы изменилась структура системы международных отношений, в результате чего возникают новые конфликтогенные очаги.

Во-вторых, конфликты грозят выйти из региональных форматов на глобальный уровень.

В-третьих, взаимозависимость и взаимообусловленность обеспечения национальной безопасности, зависит от взаимоотношений государств.

¹ Каримов И.А. За процветание Родины – каждый из нас в ответе. – Т.: Ўзбекистон, 2001. – Т.9. – С. 34.

Степень изученности. С обретением независимости Республики Узбекистан возникла необходимость концептуального исследования фактора «силы» в целях проведения собственной внешней политики. С распадом Советского Союза возникли конфликты различного характера. В частности, необходимо отметить гражданское противостояние в Таджикистане, да к тому же нестабильность в соседнем Афганистане. Вопросы обеспечения региональной и глобальной безопасности, борьба с терроризмом, стали первоочередными задачами в произведениях, выступлениях, докладах Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова.¹

С точки зрения исследуемого вопроса изученную научную литературу можно разделить на пять групп:

- работы, затрагивающие общие тенденции развития «факторов силы» в современных межгосударственных отношениях;
- труды, исследующие «жесткую силу» во внешней политике государств;
- исследования, посвященные истории и развитию «мягкой силы» в современных международных отношениях;
- исследования, изучающие «фактор силы» в политике ведущих государств современных международных отношений;
- работы, посвященные проблемам безопасности Центральной Азии и роли Республики Узбекистан в их разрешении.

К первой группе авторов, исследующих развитие «фактора силы» в международных отношениях относятся: Г. Моргентау, Г. Киссинджер, Р.

¹Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.: Узбекистан, 1997.; Каримов И.А. За безопасность и мир надо бороться.– Т.: Ўзбекистон, 2002. – Т.10; Каримов И.А. По пути безопасности и стабильного развития. – Т.: Ўзбекистон, 1998. – Т.6.; Каримов И.А. За процветание Родины – каждый из нас в ответе. – Т.: Ўзбекистон, 2001. – Т.9; Каримов И.А. Наша цель – свободная и процветающая Родина. – Т.: Ўзбекистон, 1996. – Т.2; Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. – Т.: Узбекистон, 2000.; Каримов И.А. Наша главная задача-дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа. – Т.: Узбекистан, 2010.

Клайн, Р. Кеохан, Дж. Най, Б. Рассель, Дж. Стосинджер, Д. Пучала, К. Кнорр, Ф. Шуман, А. Волферс¹ и др.

Вторую группу исследователей, занимающихся изучением различных аспектов развития «жесткой силы» в современных межгосударственных отношениях составляют: Н.И. Китаев, Е.И. Рыбкин, А.Х. Шаваев, С.Е. Благоволин, Д.М. Проэктор, З.А. Поздняков, О.В. Приходько, А.А. Кокарев, Т.Х. Шахназаров², Дж. Смит, Г. Никольсон, У. Кауфман, Д. Нехтерлейн, Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс, С. Хантингтон, Г. Моргентау, Х. Мюнклер, П. Аснер³ и др.

Непосредственно исследуют историю и развитие фактора «мягкой силы» во внешней политике государств третья группа авторов, среди которых: М.М. Лебедева, В.В. Удалов⁴, Дж. Най, Дж. Голдейер, В.Кларк, Ю.Ведрин⁵, а также отечественный автор Н.А. Касимова⁶.

¹Morgenthau H. Politics among Nations. – N. Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 1998; Kissinger H. American Foreign Policy. – N. Y.: United States Information Agency, 2001.; Cline R.S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. – Washington: Random House, 1996; Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. World Politics in Transition. – Boston: Little Brown and Company, 1998; Russel B. Power. A New Social Analysis. – L: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 2002; Stossinger J.G. The Might of Nations // World Politics in Our Time. – New York, 1995. – № 5; Puchala D. The History of the Future of International Relations. Ethics and International Affairs. – N.Y.: United States Information Agency, 1996. – Vol. 8; Knorr K. The Power of Nations. – N. Y.: Brooking Institution Press, 2002; Schuman F. International Politics. – N. Y.: Avon Books, 1997; Wolfers. A. Discord and collaboration. – Baltimore: Brookings Institution Press, 2001.

²Китаев Н.И., Рыбкин Е.И. Противоборство сил прогресса и реакции в современном мире. – Минск: НОФМО, 2001; Шаваев А.Х. Военная мощь государства. – М.: Свободная мысль – XXI, 2004; С.Е. Благоволин, Д.М. Проэктор и др. Военная сила. Размышления о ее свойствах и месте в современном мире. – М.: Дрофа, 2002.; Поздняков З.А. Системный подход и международная политическая теория. – М.: ЮНИТИ –ДАНА, 1996.;Приходько О.В. Россия-США-Европа и проблема Косово // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 12; А.А. Кокарев. Борьба двух направлений в мировой политике. – М.: Университет, 2004.; Шахназаров Т.Х. Грядущий миропорядок. – М.: ТГЮИ, 2007.

³Smith J.A. The Growth and Decadence of Constitutional Government. – N. Y.: Henry Holt and Company, 2001; Никольсон Г. Дипломатия. – М.: Посткриптум, 2006; Kaufman Y. Power and International Relations. Military Policy and National Security. – N. Y.: Princeton, 1998; Nuechterlein D. United States National Interest in a Changing World. – Lexington: Praeger Publishers, 1999; Kahn H. and Bruce-Briggs W. Things to Come. Thinking about the 70's and 80's. – N. Y.: Policy Review, 2004; Huntington S. The Erosion of American National Interests. – N. Y.: Foreign Affairs, 1997; Morgenthau H. Politics among Nations. – N. Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 1998; Мюнклер Х. Терроризм как стратегия коммуникаций . – М.: Internationale Politic (русское издание), 2001; Аснер П. Насилие и мир. – М.: ИСК РАН, 2005.

⁴Лебедева. М.М. «Мягкая сила» как средство регулирования международных отношений. – М.: Наука, 2005; Удалов В.В. Баланс сил и баланс интересов. – М.: Международная жизнь, 1998.

⁵Nye J. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. – N. Y.: Basic Books, 1990; Nye J. Soft Power. – N.Y.: Random House, 2002; Аснер П. Насилие и мир. – М.: ИСК РАН, 2005; Nye J. and Owen W. America's Information Edge. – N. Y.: Foreign Affairs, 1996; Goldeier J. The Paradox of American Power. – L.: Oxford, 2002; Clark W. Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism and the American Empire. – N.Y.: Boulder, 2003; Vedrine H. With Moisi D. France in Age of globalization. – P.: Brookings Institution Press, 2002.

⁶Касимова Н.А. Соединенные Штаты Америки в региональных интеграционных процессах (политико-экономический аспект): Автореф. дис. ... док. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2002.

Четвертая группа работ представлена исследованиями в основном западных авторов, которые изучают «фактор силы» в политике ведущих государств современных международных отношений: Ю.П. Давыдов, А.М. Салмин, П. Хлебников, А.Д. Богатуров, Д. Косырев¹.

К пятой группе работ изучающих проблемы безопасности Центральной Азии и роль Республики Узбекистан в их разрешении, мы отнесли следующих ученых: С. Жураева, Н. Касымову, А. Касимова, Н.У. Туляганову, О.С. Маннопову, Д. Латифова, И.А. Назарова, Ф.Ф. Толипов², и др.

Анализ исследованных источников показывает, что данный вопрос не рассматривался на системной основе в отечественной науке. Необходимо отметить, что зарубежные исследователи при изучении указанной аспекта исходили из прежде всего национальных интересов собственных стран. В этой связи очевидна актуальность изучения темы: «Фактор силы в современных международных отношениях».

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является изучение «фактора силы» в современных межгосударственных отношениях, как основного инструмента осуществления национальной политики.

В соответствии с поставленной целью в исследовании были определены нижеследующие задачи:

¹ Давыдов Ю.П. Россия, США и интегрирующаяся Европа // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 11; Салмин. А.М. Внешнеполитический механизм Российской Федерации. – М.: Наука, 2003; Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский. – М.: Международные отношения, 2001; Богатуров. А.Д. Синдром поглощения в международной политике. – М.: Просвещение, 2007.; Косырев. Д. Доклад конференции Института Дальнего Востока РАН и Китайского института современных международных отношений // Развитие Китая на современном этапе: II науч. конф. 23-24 июня 2004. – М., 2004.

² Жураев С., Касимова Н. Актуальные вопросы современных международных отношений. – Т.: Akademiya, 2008; Касымов А., Васькин И. Основные направления внешней политики Республики Узбекистан. — Т.: Шарк, 1994; Туляганова Н.У. Афганский конфликт и его последствия в контексте становления новой системы безопасности в Центральной Азии: Дис.док. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2006; Маннопова О.С. Политологическое изучение проблем регионального развития и безопасности в Центральной Азии в зарубежной русскоязычной литературе: Дис. канд. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2004; Латифов Д. Проблемы сотрудничества государств Центральной Азии и Афганистана // Афганистан и безопасность Центральной Азии. - Бишкек, Институт политологии, 2006; Назаров И.А. Американские ученые о социальной психологии современного международного терроризма // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2005.

- изучить концептуальные основы понятия «силы» в современных межгосударственных отношениях;
- рассмотреть динамику становления «фактора силы»;
- проанализировать место и роль «фактора силы» в современных международных отношениях;
- изучить опыт применения «фактора силы» во внешней политике ведущих государств мира;
- проанализировать политику Республики Узбекистан в разрешении конфликтных проблем современности.

Предметом исследования являются факторы, оказывающие влияние на формирование силового инструмента во внешней политике государств. **Объектом исследования** является «фактор силы» и этапы его становления как инструмента внешней политики государств.

Научная новизна: заключается по нашему мнению в новых подходах к теоретическим и методологическим аспектам диссертации и видении в научный оборот новых материалов по теме диссертации.

Методы исследования. Методологической основой послужили труды Президента Республики Узбекистан Каримова И.А., посвященные вопросам внешней политики и международных отношений. Вместе с тем, в работе были использованы методы теории международных отношений, системного и стратегического анализа, а также компаративистики, экстраполяции, комплексности, логического обобщения.

Практическая значимость: использования материалов диссертации при подготовке аналитических материалов и публикаций по проблемам современной межгосударственных отношений в области прогнозирования и дальнейшего развития мировой политики.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ФАКТОР СИЛЫ - КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

1.1. Фактор силы в исторической перспективе

С древнейших времен сила становится не только постоянно действующим фактором международных отношений, но и находит теоретическое обоснование в трудах ее экспертов. Сила, объявляется чуть ли не единственным средством, обеспечивающим развитие государств, основой международного права. Вполне приемлемым считается обеспечение своих интересов за счет интересов других народов. В результате этого всемирная история стала не столько историей народов, сколько историей войн.

Гуго Гроций - голландский юрист, представитель ранних кодификаторов международного права, почти четыреста лет назад утверждал, что «если между народами или государями возникают разногласия, то почти всегда судьей оказывается Марс»¹. Однако, и более современные исследователи также поддерживали данную мысль. Так, Дж.А.Смит, американский специалист международного права 20-30-х годов XX века писал: «В отсутствии какого-то общего и непредвзятого органа управления, которое могло бы интерпретировать международные правила поведения и оценивать состояние международных отношений, каждое государство вполне естественно стремится не только расширить свой силовой потенциал во внешнем мире, но и предупредить, если это ему по плечу, любое возможное расширение влияния соперничающего с ним государства. Инстинкт самосохранения в мире, состоящем из абсолютно независимых (суверенных)

¹ Гуго Гроций. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 2002. – 316 с.

государств, вынуждает каждое из них стремиться обладать силой, дабы гарантировать себя от опасности подвергнуться агрессии со стороны»¹.

Так, например, древние греки безуспешно пытались осуществить создание содружества народов, общие интересы которых были важнее и ценнее, чем интересы отдельных государств. Им удалось объединиться, когда им угрожала Персия, но как только опасность миновала, междоусобные войны опять возобновились. Их высокие идеалы потерпели крах, так как никто не обладал достаточной силой, чтобы заставить остальных быть бескорыстными.

В свою очередь, римляне сумели навязать «привычку к миру» всем подчиненным землям, но с помощью силы, завоевав всю известную часть земного шара. Однако, с упадком владычества римлян, дипломатия начала превращаться из воплощения идеала общечеловеческой морали в союзницу силы и беззакония. Данный пример из книги Г. Никольсона свидетельствует о том, что дипломатия по отношению к силе может рассматриваться, по крайней мере, в двух аспектах: как инструмент силы и как противовес силы².

В первом случае дипломатия выступает непосредственной формой реализации политической силы государства, заставляя оппонента, под давлением других, чаще всего, военных аргументов, совершать невыгодные для себя поступки. Во втором случае дипломатия есть способность мирным путем создавать условия для взаимовыгодного сосуществования, как правило, способом сближения выдвигаемых интересов.

Важно одно - эти явления всегда взаимосвязаны. Исследуя динамику развития этой взаимосвязи очевидно, что она представляет собой восходящую линию значения дипломатии по отношению к силе, хотя в каждую эпоху мировой истории это значение претерпевало значительные изменения. Действительно, на заре истории, отношения между

¹ Smith J.A. The Growth and Decadence of Constitutional Government. – N. Y.: Henry Holt and Company, 2001. – 178 p.

² Никольсон Г. Дипломатия. – М.: Постскриптум, 2006. – 179 с.

государствами были сходны с отношениями в стае волков. Кто сильнее, неизбежно становился вожаком, при этом побеждённого насмерть загрызала после схватки вся стая. Если стая была сильнее соседей, она расширяла свой ареал, если слабее, уступала часть территории. Других вариантов событий не было¹. В результате развития цивилизации данный принцип «естественного отбора», то есть использования исключительно силы для достижения собственных интересов в международных отношениях, постепенно подменялся дипломатией, то есть искусством мирного сосуществования, созданным самими людьми. Из-за осознания того, что цивилизованные европейцы, вторгшись на африканский континент и нарушив сложившуюся там систему жизнеустройства, в исторической перспективе фактически обрекли первобытные тогда народы на голод и нищету. Данные мысли подтверждаются трудами англо-саксонских авторов, считающих причиной тенденции к постепенному доминированию дипломатии перед силой распространение идей морального просвещения. Прогресс дипломатии следует измерять не только уровнем развития концепции общности интересов человечества, но и степенью приближенности общественной морали к личной.

На сегодняшний день в теории международных отношений отмечают несколько основных видов силы: экономическую, научно-техническую, военную, информационную, политическую, идеологическую и социальную.

На протяжении всей человеческой истории, сила государства отождествлялась, главным образом, с его военной мощью. Это логично: если система международных отношений настроена на высокую вероятность конфронтации, то понятие силы естественно идентифицируется с понятием военной силы. Эксперт по вопросам стратегии, профессор Принстонского университета У. Кауфман, относительно исследуемого вопроса утверждал: «Военная мощь всегда служила основным показателем силы и престижа

¹ Китаев Н.И., Рыбкин Е.И. Противоборство сил прогресса и реакции в современном мире. – Минск: НОФМО, 2001. – 164 с.

государства. Можно даже утверждать, что она была абсолютно необходима для проведения на мировой арене различных политических курсов. Трудно представить себе, как бы вообще развивалась международная политика без влияния военной мощи»¹. И если понятие военной силы дифференцировалось, то лишь в том плане, что включало два основных компонента – реальные вооруженные силы и военный потенциал страны (группы государств). Однако приоритет ее на протяжении веков не подвергался сомнению. «Разумеется, нации могут оказывать друг на друга морально-политическое, экономическое и прочее воздействие, – указывал другой американский эксперт Дж. Кларк. – Но поскольку верховным арбитром международных споров является война, то военный фактор приобретает высшую степень значимости во внешнеполитических калькуляциях»².

Вместе с тем сводить понятие силы на международной арене к военной мощи государства вряд ли правомерно. Ядерное оружие в военном плане фактически не используется, не случайно оно больше никогда не применялось на полях сражений после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, превратившись, таким образом, в политическое средство. Сокращается (несмотря на отдельные рецидивы) и эффект от использования на международной арене военной силы вообще для достижения политических целей. Это показали и Вьетнам, и Афганистан, и Чечня, и Косово³. В Ираке в 2003 г. победила не антитеррористическая коалиция, возглавляемая США, а цифровые технологии. Если значение военной силы и сохраняется, то прежде всего, как инструмент поддержания статус-кво: она все меньше используется для попыток изменить ситуацию в свою пользу. Во всяком случае, среди либеральных демократий понятие силы давно не

¹ Kaufman Y. Power and International Relations. Military Policy and National Security. – N. Y.: Princeton, 1998. – 149 p.

² U.S. Naval Institute Proceedings. Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation. – N.Y.: Foreign Affairs, 2008. – P. 61.

³ Шаваев А.Х. Военная мощь государства. – М.: Свободная мысль-XXI, 2004. – 129 с.

исчерпывается лишь ее военным аспектом. Как отмечают многие эксперты, основные перемены на международной арене сегодня связаны не с применением военной силы, а с чем-то иным, прежде всего с использованием невоенных инструментов¹.

Указанное мнение не означает, что военная сила вообще не востребована ныне на международной арене. Это означает лишь то, что сведение силы к военной ее составляющей не соответствует действительности. Военная мощь – лишь один из возможных вариантов существования и использования силы как внутри страны, так и в мировом сообществе.

На международной арене, в системе взаимодействия государств сегодня наиболее активно используется экономическая сила государства. «Великие державы, – отмечает американский профессор Д. Нехтерлейн, – сегодня склонны отдавать предпочтение наращиванию экономической мощи, как главному средству внешнеполитического влияния, нежели использовать в этих же целях военную силу»². Государства активно задействуют свою экономическую мощь, внешнюю торговлю, инвестиции за рубежом, экономическое присутствие в других странах для создания определенной, хотя обычно и неформальной привязки других государств к себе, воздействия в своих интересах на их внутреннюю и внешнюю политику. «Сейчас сила и международное влияние основаны в большей степени на развитии экономики и технологии, – утверждают американские футурологи Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс. – Внутреннее экономическое и техническое развитие в сочетании с международной торговлей и заграничными инвестициями представляется более эффективным средством достижения национальных целей, чем империализм и агрессия»³.

¹ Благоволин С.Е., Проэктор Д.М. и др. Военная сила. Размышления о ее свойствах и месте в современном мире. – М.: Дрофа, 2002. – 163 с.

² Nuechterlein D. United States National Interest in a Changing World. – Lexington: Praeger Publishers, 1999. – P. 176.

³ Kahn H. and Bruce-Briggs W. Things to Come. Thinking about the 70's and 80's. – N. Y.: Policy Review, 2004. – 224 p.

Экономическое присутствие одного государства на территории другого имеет неоднозначные последствия, если его рассматривать с точки зрения силового влияния. С одной стороны, оно, как правило, благоприятно для того государства, на территории которого возникают иностранное производство товаров и услуг. Они создают дополнительные рабочие места, новые технологии, удовлетворяют спрос на определенные товары. Они усиливают конкуренцию в данной стране, способствуя становлению эффективной экономики. Страны, находящиеся в стабильных отношениях друг с другом, обычно заинтересованы во взаимном экономическом присутствии. Вместе с тем возникают и возможности нажима на государство, открывающее границы для иностранного экономического присутствия. Государство-донор может выдвигать определенные требования, угрожая свернуть производство, сократить рабочую силу, отчисления от прибыли.

Определенно можно говорить и об использовании научно-технической силы государства на международной арене. Именно наука, образование, здравоохранение формируют основу, которая создает экономику, базирующуюся на знаниях, экономику, определяющую реальную мощь государства, его способность обеспечивать национальные интересы по всему их спектру.

Американцы были первыми, кто осознал перспективность использования научно-технической силы в качестве инструмента внешней политики. Именно за счет мощного импульса в развитии фундаментальной науки в послевоенный период США смогли в 1970-1980-е годы ответить на экономический вызов Японии и Западной Европы и снова вырваться вперед в последующие десятилетия. Определенную роль сыграли при этом и огромные вложения государства в научно-исследовательские разработки по линии НАСА и Министерства обороны. Как отметил профессор экономики Гарвардского университета Джеффри Сакс, «в Америке усилена правительственная поддержка науки, а расходы на ее финансирование

возросли до 85 млрд. долларов в год (это почти в 3,5 раза больше, чем годовой бюджет России в середине 90-х годов XX в. – Прим. автора). Поддерживаемые правительством научно-исследовательские программы в области информационных технологий и биотехнологий помогли США завоевать всемирное лидерство в этих двух ключевых сферах»¹.

Приоритет высоких технологий носит долгосрочный характер. Современное производство, системы национальной безопасности, повседневная жизнь государства все более основываются на достижениях науки и техники, которые используются для повышения мощи данного государства.

Среди исследователей идут дискуссии относительно использования информационной силы на международной арене. Это вполне закономерно, ибо человечество вступило в век информации и информационных систем (в связке с коммуникационными), и многие эксперты полагают, что XXI век будет веком информатики. Информация сама по себе является крайне выгодным капиталом в самом широком понимании, ибо она часто служит основой принятия решений на любом уровне, более того – выработки политической линии. Следует отметить огромное значение информации и сетевых технологий для функционирования экономики, финансовой и банковской систем, военной сферы. Не меньшее значение имеют и каналы передачи информации, ибо тот, кто владеет ими, может регулировать (дозировать) поступление информации для других и использовать наиболее важную информацию в своих интересах. Контроль над международными коммуникациями создает новые формы зависимости между государствами.

Важную роль в развитии информационной силы сыграли «информационные революции»:

1) Первой «информационной революцией» принято считать изобретение письменности 5—6 тыс. лет назад в Месопотамии, некоторое

¹ Сакс Дж. Стоит ли хвалить Клинтона за процветание Америки // Независимая газета. 18 августа 2000 год.

время спустя письменность появляется и в Китае, и еще на 1500 лет позже у племени майя, живших в Центральной Америке. Сохранившиеся глиняные дощечки с клинописью самаритян и жителей Вавилона, представляют собой деловые расписки и правительственные документы, летописи или описания методов земледелия.

2) Вторая информационная революция произошла в результате изобретения рукописной книги, сначала в Китае, вероятнее всего около 1300 г. до н. э., а затем, независимо от Китая, 800 лет спустя в Греции, когда афинский тиран Писистрат распорядился записать в книгу поэмы Гомера, до этого передававшиеся только устно.

3) Третья информационная революция произошла после изобретения Гутенбергом печатного пресса и наборного шрифта между 1450 и 1455 гг., а также изобретения гравировки примерно в то же время. Хотя печатное дело впервые возникло в VIII в. в Китае, именно печатный станок Гутенберга и примененный им метод съемных шрифтов способствовали его распространению.

Во много большую роль сыграла «четвертая информационная революция», которая характеризуется максимальным внедрением мультимедийных, цифровых технологий и услуг, сопровождается появлением новых корпораций – мультимедийных гигантов и специализирующихся на электронной торговле фирм. Лидером «четвертой информационной революции» на современном этапе является США¹.

Идеологическая сила предполагает использование как «белой», так и «черной» пропаганды для воздействия на другие государства, то есть применение как законных, так и незаконных средств. Она включает в себя возможность оказания интенсивного «психологического давления» (в годы «холодной войны» подменявшего действия вооруженных сил). В одном американском исследовании, посвященном этой проблеме, отмечается, что

¹ Кокошин А. Новый международный контекст // Независимая газета. 25 мая 2000 год.

«психологические операции по своему значению все более приравниваются к традиционным инструментам внешней политики – дипломатическим, экономическим, военным»¹. Идеологическая сила отражает привлекательность господствующих в обществе ценностей, этических и моральных норм, религиозных убеждений, национальных и особенно гуманитарных устремлений, уровень образования. Тоталитарные режимы наиболее интенсивно используют идеологическую силу (прежде всего целенаправленную пропаганду) в своей внутренней и внешней политике, создавая нужный облик режима, обычно далекий от реального.

Сегодня использование идеологической силы обусловлено способом доставки ее к потребителю. Наличие того же Интернета (а в еще большей степени спутникового телевидения) способно эффективно решать эту задачу. Стремительное проникновение американской массовой культуры, образа жизни, ценностей в Европу выявляет масштабы использования идеологической силы. Происходит то, что С. Хантингтон назвал «кока-колониацией»².

В условиях глобализации, когда основным мотором развития становятся наука и человеческий фактор, образование (профессиональный уровень нации) идеология может рассматриваться как особый (перспективный) вид силы в системе международных отношений. И не случайно национальные правительства уделяют все большее внимание развитию образования. Соединенные Штаты расходуют на образование в 2,5 раза больше финансовых средств, нежели на военные нужды. Тогда как в России, расходы на обеспечение безопасности составляют треть бюджета, а на образование выделяется менее трех процентов.

В американских университетах на сегодняшний день обучается примерно полмиллиона студентов из-за рубежа. Они получают образование,

¹ Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now // Reports of the Republican Coordinating Committee 1965-1969. – Washington: National Committee of the Republican Party, 1997. – 98 p.

² Huntington S. The Erosion of American National Interests. – N. Y.: Foreign Affairs, 1997. – 237 p.

основанное на американских социальных и политических ценностях, они возвращаются домой сторонниками свободной торговли и экономической либерализации. На родине многие из них займут влиятельные позиции в общественных, экономических и политических структурах, объективно становясь проводниками американского влияния. *Rax Americana* создается не только оружием, но и образованием.

Политическая сила в общем плане, утверждает Г. Моргентау, «это психологические отношения между теми, кто ею обладает, и теми, по отношению к кому она применяется. Это дает первым возможность контролировать действия последних, с помощью того влияния, которое они оказывают на их умы. Это влияние проистекает из трех источников: ожидание выгоды, боязнь проигрыша, уважение или склонность к людям и институтам. Политическая сила может реализовываться приказами, угрозой, убеждением, харизмой человека, либо сочетанием любых этих факторов... Международная политика, как и любая политика – это борьба за силу (влияние)»¹. Политическая сила государства обретает влияние путем использования политических (дипломатических) средств.

В системе международных отношений она создается главным образом тремя путями. Первый – прямое наращивание собственных политических (дипломатических) возможностей, в том числе путем привлечения на свою сторону других (дружественных, для этого надо сначала обеспечить их дружественность) государств, движений, образования коалиций, союзов, нейтрализации возможной опасности со стороны колеблющихся государств, поддерживая их нейтралитет, не давая им возможности перейти на сторону соперника, использования в своих интересах неожиданно возникающих (кризисных) ситуаций в системе международных отношений. Второй способ – ослабление политических (дипломатических) возможностей соперника, разъединяя и ослабляя его союзы и коалиции, втягивая его в заведомо

¹ Morgenthau H. *Politics among Nations*. – N. Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 1998. – 257 p.

проигрышные для него ситуации. Третий способ состоит в том, чтобы использовать в своих интересах соперничество между двумя государствами или группами по принципу «разделяй и властвуй»¹.

Функционирует на международной арене и социальная сила, которая воздействует на окружающий мир, прежде всего своим примером, своим поведением. Рассмотрим на примере терроризма. Изначально ЦРУ США определяло терроризм как «угрозу применения или применение насилия в политических целях отдельными лицами или группами лиц, действующими за или против существующего в данной стране правительства, когда такие действия направлены на то, чтобы нанести удар или запугать более многочисленную группу, чем непосредственная жертва, в отношении которой применяется насилие»². Между тем терроризм вышел за национальные границы, сегодня он рассматривается в качестве специфического вида силы, оказывающей воздействие на поведение государств, на состояние международной среды и мирорегулирование. Это своего рода ответ «третьего мира» на технологическое превосходство Запада.

По более позднему определению того же американского ведомства, к разряду международного можно отнести «терроризм, осуществляемый при поддержке со стороны иностранного правительства и организованный или направленный против иностранных граждан, организаций и правительств». По мнению ЦРУ, «террористическую деятельность проводят группы, ставящие задачу ниспровергнуть определенный государственный строй, исправить национальную или групповую несправедливость или подорвать международный порядок».

Сила терроризма в известной мере проистекает из публичного характера совершаемых актов. Без широкой огласки, без открытого и громогласного предъявления своих требований или целей он просто не может существовать.

¹ Поздняков З.А. Системный подход и международная политическая теория. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1996. – 215 с.

² Patterns of International Terrorism 2004 // Central Intelligence Agency. June 2004 year.

Другой источник его силы – игнорирование всех и всяческих правил ведения войны, начиная от обозначения собственных бойцов с целью отличить их от не участвующих в борьбе людей и до использования гражданского населения в качестве щита (заложников). Главный фактор воздействия террористического акта – страх, порождаемый ощущением жертвы, что ее жизнь не имеет никакой ценности для экстремистов. Для террориста есть понятие цель, но нет понятия средство. Терроризм разрушителен, поэтому его влияние всегда со знаком минус, он ничего не создал – ни государства, ни общества, ни даже массовой партии. «Современный международный терроризм, – подчеркивает профессор Х. Мюнклер из университета Гумбольдта (Берлин), – можно определить как стратегию, которая при мобилизации незначительных собственных ресурсов позволяет террористам тягаться в насильственном конфликте с бесконечно превосходящими их по силе и возможностям державами»¹.

Воздействие различных видов силы неоднозначно во времени и пространстве. Вчера безоговорочно властвовала военная сила, сегодня наиболее действенными представляются экономические, финансовые, научно-технические виды силы, завтра этот набор может выглядеть по-иному, и на передний план могут выйти силы, отождествляемые с моралью, правом, образованием, благосостоянием населения и т.д. Хотя военная сила сохраняет непререкаемое значение, нам представляется, что основные изменения в современном мире, особенно в перспективе, связаны с использованием невоенных методов.

1.2. Теоретические аспекты исследования «фактора силы» в международных отношениях

¹ Мюнклер Х. Терроризм как стратегия коммуникаций. – М.: Internationale Politic (русское издание), 2001. – 112 с.

Сила издревле является наиболее распространенным и решающим в арсенале средств международных акторов. С понятием сила связана одна из центральных проблем международных отношений – проблема войны и мира. На основе понятия силы акторы «трубят» о возможностях друг друга, строят планы своего взаимодействия, принимают решения, оценивают степень стабильности международной системы. Наконец, категория «сила» выполняет значительную методологическую роль в науке о международных отношениях, являясь важным инструментом научного сознания: о значении «силового фактора» ведутся дискуссии между различными научно-теоретическими школами, сила выступает критерием многочисленных моделей систем международных отношений и т.д.

И все же приходится признать, что сегодня, как и прежде, ни у теоретиков, ни у практиков международных отношений нет полной ясности относительно содержания понятия силы.

Определим понятие «сила» в самом общем смысле: под силой понимают способность международного актора навязать свою волю и тем самым повлиять на характер международных отношений в собственных интересах.

Сила: применение силы (включая угрозы и применение санкций, которые могут носить как насильственный, так и ненасильственный характер). Например: «сила, порожденная движением гражданского неповиновения»¹.

Трудность определения понятия силы состоит в том, что о ней много говорят, но каждый интерпретирует данное понятие по-своему. Г. Моргентау, американский политический теоретик и историк, один из основателей классической теории реализма, для которого сила – своего рода архимедов рычаг мирорегулирования, решительно утверждает, что «сила есть власть над умами и действиями людей»². Г. Киссинджер, американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных

¹ Философский словарь: Определение силы // <http://www.philosophy.ru/library/vopros/61.html>

² Morgenthau H. *Politics among Nations*. – N. Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 1998. – P. 97.

отношений, дает краткое определение, полагая, что во внешней среде «сила есть влияние»¹. Роберт Клайн, американский гражданский стратег, автор методики «оценки мировых сил»², между тем утверждает, что «сила на международной арене может быть определена просто как способность правительства одной страны заставить руководство другой предпринять то, что это последнее никогда не сделало бы по своей воле, причем это может быть осуществлено за счет убеждения, принуждения или откровенного применения военной силы»³.

Близкое к этому определение можно найти у Р. Кохейна и Дж. Ная. По их мнению, «силу можно представить себе как способность субъекта заставить других предпринять что-либо, что они иначе предпринимать бы не стали (и при этом по приемлемой для действующего лица «цене»)»⁴. Последнее предположение соответствует позиции английского философа Бертрانا Рассела, согласно которой «сила может быть определена как способ получения желаемых результатов»⁵. Дж. Стоссинджер в своей книге «Мощь наций» (первое издание которой было отмечено премией Банкрофта) так определяет силу: «Сила (мощь – power) в международных отношениях есть возможность государства использовать свои реальные или потенциальные ресурсы таким образом, чтобы воздействовать на образ жизни и поведение других государств»⁶. О ресурсной основе силы упоминает и Д. Пучала, профессор Нью-Йоркского университета. Он утверждает, что в международных отношениях «сила – это способность действовать, и подобная способность обусловлена количеством и качеством ресурсов, выделяемых для достижения определенных политических целей во внешнем

¹ Kissinger H. American Foreign Policy. – N. Y.: United States Information Agency, 2001. – 96 p.

² Cline R.S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. – Washington: Random House, 1996. – 184 p.

³ Там же.

⁴ Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. World Politics in Transition. – Boston: Little Brown and Company, 1998. – 183 p.

⁵ Russel B. Power. A New Social Analysis. – L.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 2002. – 202 p.

⁶ Stossinger J.G. The Might of Nations // World Politics in Our Time. – New York, 1995. – № 5. – P. 98-103

мире, что в свою очередь определяется состоянием национальной экономики»¹.

Но наиболее развернутое толкование понятию силы в мировой политике дает американский военный теоретик, профессор Принстонского университета К. Норр. Он пишет: «Сила во внешнем мире может рассматриваться как обладание способностями, которые позволяют субъекту выступать с достоверными угрозами. Но она может трактоваться и как фактическая реализация воздействия на поведение стороны, которой угрожают. В первом случае сила – это качество, которым обладают сильные государства и которое можно аккумулировать; здесь сила – это возможность. Во втором случае сила – это результат, это уже оказанное воздействие. Она проявляется во взаимодействии, в столкновении. При первом подходе сила – это нечто такое, что государство может надеяться использовать в разнообразных будущих ситуациях. Во втором случае она возникает и формируется только в условиях конкретной ситуации. Сегодня большинство теоретиков понимает под силой реализованное воздействие, в то время как неспециалисты сводят ее к тем возможностям, которые позволяют выступать с угрозами»².

Другой американский теоретик Ф. Шуман, трактовавший понятие силы в сходном духе, особо выделяет идею взаимодействия. По его мнению, реальный смысл понятия силы выявляется лишь в системе международных отношений, при взаимодействии с другими государствами. Она «становится таковой только в сравнении с силой других стран», ощущение силы или бессилия произрастает из взаимодействия, соперничества, конфликта государств³.

Примерно с конца 1940-х гг. в науке о международных отношениях наибольшее распространение получили два подхода к пониманию силы –

¹ Puchala D. The History of the Future of International Relations. – N.Y.: United States Information Agency, 1996. – Vol. 8. – 242 p.

² Knorr K. The Power of Nations. – N. Y.: Brooking Institution Press, 2002. – 159 p.

³ Schuman F. International Politics. – N. Y.: Avon Books, 1997. – 152 p.

атрибутивный и поведенческий (бихевиоральный). Первый рассматривает силу международного актора (прежде всего - государства) как нечто присущее ему изначально, как его неотъемлемое свойство. Второй связывает силу с поведением международного актора, его взаимодействиями на мировой арене¹.

Атрибутивный подход характерен для политического реализма. С точки зрения Г.Моргентау, международная политика, как и любая другая политика, - это политика силы. Моргентау не делает различий между силой, мощью, властью и влиянием, выражая все это одним термином «power»², обобщающим и обозначающим цель и средство политики государства на мировой арене. Являясь способностью государства контролировать действия других государств, международная политика имеет три основных источника и соответственно преследует три основные цели: стремление к выгоде; опасение понести ущерб или оказаться в невыгодном (тупиковом) положении; уважение к людям и институтам. Именно для этого государству и нужна сила (власть, мощь), которая не ограничивается только военными ресурсами, а включает в себя еще целый ряд составных элементов: промышленный потенциал; природные ресурсы; геостратегические преимущества; численность населения; культурные характеристики (национальный характер); национальную мораль; качество дипломатии и государственного руководства, а также мозговые центры.

В отличие от Г. Моргентау, другой влиятельный представитель школы политического реализма А. Уолферс стремится провести различие между силой (властью, мощью) и влиянием международных акторов³. По его мнению, сила – это способность актора изменить поведение других международных акторов путем принуждения, а влияние – способность изменить поведение посредством убеждения. В то же время, А. Уолферс

¹ Позднякова Э.А. Баланс сил в мировой политике: теория и практика. – М.: ИСК РАН, 1993. – 192 с.

² Morgenthau H. Politics among Nations. – N. Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 1998. – 257 p.

³ Wolfers. A. Discord and collaboration. – Baltimore: Brookings Institution Press, 2001. – 189 p.

подчеркивал, что между силой и влиянием имеется определенный континуум, что их различия не абсолютны. Однако и в этом случае вопросы, связанные с определением силы того или иного государства остаются нерешенными. Дело в том, что реалисты стремятся представить силу как исчисляемую характеристику государства, как величину, придающую действиям различных государств более или менее однородный смысл. Подобно тому, как в рыночной экономике стремление предпринимателя определяется прибылью, так и для государства реализация его национальных интересов выражается в стремлении увеличить свою мощь или силу.

Подход А. Уолферса выявляет две трудности. Первая связана с разнородностью составных элементов силы: помимо вещественных компонентов, в силу включаются и такие, которые не поддаются точному измерению (например, национальный характер или качество государственного руководства). На это обращал внимание и Г. Моргентау, когда в полемике с «модернистами» сравнивал феномен власти с любовью, которая не поддается постижению при помощи рациональных средств. Вторая трудность в том, что понимание силы государства как неотъемлемого свойства изолирует его от той системы международных связей, в которой она проявляется и без которой измерения сил нередко утрачивают свой смысл. В конечном счете, обе эти неразрешенные трудности обусловили то, что атрибутивное понимание силы стало одним из самых слабых мест школы политического реализма.

Пытаясь преодолеть этот недостаток, Р.Арон, французский философ, политолог, социолог и публицист, делает предметом своего анализа не только различия между силой и влиянием, но также и между силой и мощью, мощью и властью, соотношением сил и властными отношениями¹. Общее между этими понятиями в том, что сила и мощь в международных отношениях, как и власть во внутриобщественных отношениях, зависят от

¹ Aron. R. Paix et Guerre entre les nations. – P.: Notre Europe, 1994. –45 p.

ресурсов и связаны с насилием. Являясь приверженцем веберовского подхода, Р.Арон исходит из того, что феномен власти включает три элемента: территорию, монополию на легитимное физическое насилие и институты. В международных отношениях, в которых отсутствует монополия на легитимное насилие, а роль институтов в урегулировании споров слаба, отношения командования и авторитета, свойственны власти, часто выступают как прямое принуждение или угроза насилия. В международных отношениях основная цель не контроль над административными или институциональными механизмами, которые позволяют осуществлять политическое и социальное влияние, а реализация «вечных целей государства», т.е. реализация безопасности, силы и славы.

Власть тесно связана с мощью и силой государства, но их нельзя смешивать. Власть - понятие внутривнутриполитическое, тогда как мощь относится к внешнеполитической характеристике государства. Ориентация власти на внешнеполитические цели – свидетельство завоевательной политики. Власть суверена, будь то наследный монарх или партийный лидер, отличается от власти завоевателя: первый стремится выглядеть легитимным выразителем общества, соответствовать его традициям и законам, второй же опирается (по крайней мере вначале) на откровенную силу. Таким образом, властные отношения на международной арене проявляются в виде имперских амбиций и тенденций. С точки зрения Р.Арона, мощь международного актора – это его способность навязывать свою волю другим, т.е. мощь – это социальное отношение¹. Сила же – это лишь один из элементов мощи. Поэтому различие между мощью и силой – это различие между потенциалом государства, его людскими ресурсами, с одной стороны, и человеческим отношением - с другой. Составными элементами силы являются материальные, человеческие и моральные ресурсы государства (потенциальная сила), а также вооружения и армия (актуальная сила), а также мощь – это использование силы,

¹ Aron. R. *Republique imperial. Les Etats-Unis dans le monde.* – P.: Seuil, 1998. –78 p.

способность повлиять не только на поведение, но и на чувства другого. Важный фактор мощи – мобилизация сил для эффективной внешней политики. Следует отличать наступательную мощь (способность политической единицы навязать свою волю другим) и оборонительную мощь (способность не дать навязать себе волю других).

В структуре государственной мощи Р.Арон выделяет три основных элемента: 1) среда (пространство, занимаемое политическими единицами); 2) материалы и знания политической единицы, а также численность населения и возможности превращения определенной его части в солдат; 3) способность к коллективному действию (организация армии, дисциплина бойцов, качество гражданского и военного управления в военное и мирное время, солидарность граждан перед лицом испытаний благополучием и несчастьем). Лишь второй из перечисленных элементов, по мнению Р. Арона, может быть назван силой. Он подвергает критике различные варианты государственные мощи, описанные в работах представителей американской школы политического реализма (например, таких как Г. Моргентау, Н.Спайкмен, Р. Штеймец). Р. Арон отмечает, что их взгляды на структуру государственной мощи носят произвольный характер, не учитывают происходящих в ней с течением времени изменений, не отвечают условиям полноты. Но главным их недостатком он считает то, что они рассматривают мощь как измеримое явление, которое можно «взвесить на весах». Если бы это было действительно возможно, подчеркивает Р. Арон, то любая война стала бы бессмысленной, так как ее результат был бы известен заранее. Можно измерить силу государства, которая включает в себя мускулы и вес. Но как мускулы и вес борца ничего не значат без нервного импульса, решительности, изобретательности, так и сила государства ничего не значит без его мощи. О мощи того или иного государства можно судить весьма условно, слабое с точки зрения наличных сил, может успешно противостоять гораздо более сильному противнику: например вьетнамцы, не имея развитой

промышленности, необходимого количества различных видов вооружений и т.п., нашли такие методы ведения войны, которые не позволили американцам добиться победы над ними.

Говоря о жесткой силе в условиях нынешней международной системы способность воздействовать на поведение других, получить желаемые для себя результаты ассоциируется с насилием, принуждением, диктатором, грубым навязыванием своей воли, с обладанием инструментов (ресурсов) насилия, таких как угроза войны, эскалация этой угрозы до уровня военных действий, политический прессинг, изоляция соперника на международной арене, экономическое отторжение (эмбарго), финансовая удавка, ведение «черной» пропаганды, преследующей цель смены режима и т.д. Для всех подобных действий характерны крайние меры, прежде всего жестокость используемых насильственных методов и инструментов (отсюда и сам термин – «жесткая сила»). Это вынужденное (совершенно не желаемое) изменение своих позиций под давлением извне. Быстротечная война США против Ирака весной 2003г. – яркий пример применения «жесткой силы» для свержения неугодного политического режима¹.

Речь фактически идет о политической «игре с нулевой суммой». У противников в наличии есть лишь одна альтернатива-полная победа с одной стороны, означает полное поражение другой. Обычно никаких промежуточных вариантов не существует. «Жесткая сила» практически не рассчитана на достижение компромисса, она оставляет сопернику слишком ограниченное место для возможного маневра, приемлемого выхода. Террористы, захватившие заложников, ставят своих противников перед унижительным выбором – жизнь заложников как на рынке обменивается на выполнение определенных политических (материальных) требований².

¹ Теремов О.В. США - Ирак: триумф, провал или тупик? // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 12. – С. 15-18

² Nye J. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. – N. Y.: Basic Books, 2008. – 145 p.

Использование экономической силы может вынудить намеченную жертву радикально менять свою позицию. Речь идет не только о санкциях или эмбарго, но и своего рода «поощрении повиновения», вознаграждении (в виде гуманитарной помощи, кредита, материального подкупа, компенсации) за изменение позиции, смену курса. Военная мощь (операция) НАТО вынудила Милошевича прекратить этнические чистки в Косово¹. В то же время изменение позиции официального Белграда относительно выдачи бывшего югославского президента Гаагскому трибуналу было в значительной мере обусловлено перспективой «вознаграждения» - обещанием Запада помочь в восстановлении разрушенной войной (и его же бомбардировки) сербской экономики. Таким образом, как утверждает Дж. Най, «жесткая сила» в целом может полагаться на старый политический принцип «кнута и пряника»².

Мировая общественность знает немало примеров использования в XX-веке «жесткой силы» на международной арене: СССР против Венгрии, США против Вьетнама, СССР против Чехословакии, а потом Афганистана, НАТО против Югославии, США против Ирака - лишь наиболее известные из них. Все эти операции, проводившиеся в отношении перечисленных государств, носили характеристику насилия, имели своей целью принуждение противника (соперника) к капитуляции, иного выбора у него не было.

Носителем «жесткой силы» обычно являются «амбициозные» государства, полагающие, что их национальные интересы (и национальные силовые возможности) могут быть высшей судьей на мировой арене. Источником «жесткой силы» в условиях глобализма, отмеченного диффузией силы и национального суверенитета, могут быть и другие субъекты международных отношений, в том числе и не имеющие государственного статуса³. Несомненно, что движения «Хамас» и

¹ Приходько О.В. Россия-США-Европа и проблема Косово // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 12. – С. 25-27

² Nye J. *Soft Power*. – N.Y.: Random House, 2002. – 203 p.

³ Кокарев А.А. Борьба двух направлений в мировой политике. – М.: Университет, 2004. – 182 с.

«Хезболла» - носители «жесткой силы», хотя и в региональном масштабе. И все же основным источником «жесткой силы» являются не просто государства, но, как правило, наиболее мощные из них, обладающие значительным населением, обширной территорией, разнообразными природными ресурсами, военной (ракетно-ядерной) мощностью, высоким уровнем развития науки и современной техники, социальной и политической стабильности, большой долей ВВП на душу населения¹.

Между тем использование «жесткой силы» в целом нельзя исключать; более того, оно целесообразно, когда легитимно, когда необходимо быстрое и радикальное решение международной проблемы, превратившейся (превращающейся) в угрозу миру и международной стабильности, когда обращение к «жесткой силе» встречает понимание международного сообщества его значительной части и поддерживается либо разделяется им. Именно быстрота и радикальность решения привлекает к «жесткой силе» внимание, прежде всего, консервативных политиков². Но эти же самые свойства, не считающиеся с ценой человеческих жизней, делают подобные решения необратимыми и отпугивают либерально мыслящих политиков.

К тому же, как показывает практика, использование «жесткой силы» обычно плохо вписывается в нормативные рамки существующих международных отношений, чаще всего оно нелегитимно; его носители нередко полагают, что морально-этические соображения в определенных обстоятельствах могут подменить собой юридическую базу (в действительности - малоэффективную) международного взаимодействия. Однако нелегитимное использование «жесткой силы» подрывает те принципы и институты, на которых только и может быть выстроена (постепенно) нормативная система международных отношений.

¹ Аснер. П. Насилие и мир. – М.: ИСК РАН, 2005. – 126 с.

² Шахназаров Т.Х. Грядущий миропорядок. - М.: ТГЮИ, 2007. – 223 с.

Силовые ресурсы неоднозначны в условиях быстро меняющегося (неравномерного мира): сегодня они работают, а завтра – нет. Поэтому обладание силовыми ресурсами еще не гарантирует получения желаемого результата. С точки зрения ресурсов Соединенные Штаты были намного сильнее Северного Вьетнама, и тем не менее, им не удалось получить то, на что они надеялись, и США потерпели поражение. То же самое можно сказать и о Советском Союзе, надевавшемся на легкую победу в Афганистане¹.

Таким образом, при всех имеющихся определенных положительных аспектах результат использования «жесткой силы» мало поддается прогнозированию и не всегда приводит к ожидаемым результатам. Возможно, поэтому в мировой политике все больше утверждается тенденция в пользу «мягкой силы».

«Мягкая сила» - это способность государства (союза, коалиции, НПО, НКО) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение, привлечение), а не подавление (навязывание, принуждение). «Мягкая сила» действует, побуждая других следовать (или добиваясь вызревания их собственного согласия следовать, или делая выгодным такое следование) определенным нормам поведения к институтам на международной арене, что и приводит ее носителей к достижению желаемого результата фактически без принуждения»² (хотя и здесь, конечно, может быть определенное поведение, обусловленное отсутствием иной альтернативы). «Мягкая сила» отвечает новому духу времени, меняющемуся характеру мировой политики.

«Истинный путь к решению проблемы не в том, сколько врагов я уничтожу, подчеркивал Н.Гингрич, бывший спикер Палаты представителей Конгресса США и оппонент политики Дж. Буша в Ираке. – Истинный путь в том, сколько друзей я приобрету»³. «Мягкая сила» может основываться и на

¹ Касымова Н.А. Соединенные Штаты Америки в региональных интеграционных процессах (политико-экономический аспект): Автореф. дис. ... док. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2002. – С. 47-48.

² Nye J. and Owen W. America's Information Edge. – N. Y.: Foreign Affairs, 1996. – 115 p.

³ Цит. по: Barry J. and Thomas E. Dissent in the Bunker. – Newsweek. – 15. 12.2003. – P. 2.

личном примере государства, сумевшего обустроить себя, добиться высокого уровня благосостояния своего населения. Обычно страна, ею обладающая, придерживается конструктивной линии на международной арене – демократии не воюют друг с другом. Она убеждает другие соперничающие государства (группировки) следовать разуму, логике, тем самым делая решение разделяющей их спорной проблемы приемлемым как для одной, так и для другой стороны, во всяком случае, таким образом, чтобы оно не выглядело поражением одной стороны и безусловной победой другой (как это выглядит в ситуации с «жесткой силой»).

Собственно говоря, искусство дипломатии в нынешних условиях (существования равноправных, но не равных государств) в том и состоит, чтобы добиться решения международных проблем, прежде всего, подобным ненасильственным образом (понуждая, но, не принуждая), а уж потом – если подобный подход не срабатывает, - используя силу (при наличии для этого законных оснований) как принуждение. «Мягкая сила» - это способность получать желаемое, привлекая, а не заставляя. «Соблазн всегда более действенен, чем принуждение, и многие ценности, такие как демократия, права человека, возможности развития личности, соблазнительны вдвойне»¹, - считает Дж. Най. Подобная сила вытекает из привлекательности культуры, образа жизни той или иной страны, ее социальных идеалов, ее политики.

То или иное государство может добиться в рамках «мягкой силы» желаемого результата просто потому, что другие страны признают преимущества его системы ценностей, его опыта, политической культуры, отдают должное достигнутому им уровню благосостояния народа, его открытости миру, его внешней политике, уважающей право других иметь свое мнение и готовой прийти на помощь этим другим в критической ситуации. «Именно подобный аспект силы – создание ситуации, которая побуждала бы других желать того же, что желаете и вы, - пишет Дж. Най, - я

¹ Nye J. Soft Power. – N.Y.: Random House, 2002. – 203 p.

определил бы как мягкую силу»¹. По его мнению, это то, что иначе можно назвать «вторым ликом силы». Она скорее кооперирует людей (общества, государства, союзы) вместо того, чтобы разъединять их и просто властвовать над ними. «Мягкая сила» зиждется на способности того или иного государства (политика) создавать международную повестку дня таким образом, чтобы она отвечала как его интересам, так и устремлениям других субъектов мирового сообщества. «Мягкая сила» «дала нам влияние, намного большее, нежели жесткие методы традиционной политики баланса сил»², - подчеркивает американский генерал Уэсли Кларк.

Аналог «мягкой силы» можно наблюдать в системе отношений на индивидуальном уровне. Мудрые родители понимают, что их влияние на детей, воспитанных в рамках моральных ценностей, норм, справедливости, будет сильнее и длительнее, нежели влияние на подрастающее поколение, воспитанное на угрозах, подзатыльниках, запретах.

«Мягкая сила» имеет свои источники. Это, прежде всего система ценностей, исповедуемых данным обществом (государством). Если та или иная страна может представить другим субъектам мирового сообщества свою силу легитимной, то ей легче представить свои интересы в качестве всеобщих, она реже сталкивается с противодействием своим устремлениям на международной арене. Ценности демократии, личная свобода, мобильность и динамичность общества, состязательность в формировании власти и политики, открытость, становящаяся чертой национального характера, доступность высшего образования, политическая и стратегическая культура общества, универсальность внешней политики государства – все это в той или иной мере подпитывает процесс возникновения и функционирования «мягкой силы»³. Юбер Ведрин,

¹ Goldeier J. The Paradox of American Power. – L.: Oxford, 2002. – 169 p.

² Clark W. Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism and the American Empire. – N.Y.: Boulder, 2003. – 225 p.

³ Лебедева. М.М. «Мягкая сила» как средство регулирования международных отношений. – М.: Наука, 2005. – 204 с.

последовательный оппонент американского универсализма, признает: «Американцы сильны потому, что могут управлять мечтами и устремлениями других, мастерски выстраивая свой глобальный имидж через кино и телевидение, а также и потому, что великое множество студентов из других стран устремляются в США для завершения своего образования»¹.

В самом деле, в американских университетах и колледжах каждый год грызут гранит науки полмиллиона студентов из различных стран современного мира. Они не просто учатся, они живут в условиях определенной политической, экономической, социальной, духовной культуры и, как кажется за пределами цивилизаций, которые, по Хантингтону, обязательно должны сталкиваться. И лучшие элементы этой культуры они увезут с собой и попытаются привить своей (другой) почве, не боясь разрушить специфику своего образа жизни. В свое время при президенте Никсоне (открывшем американцам «окно» в КНР) была принята программа, согласно которой США были готовы принимать ежегодно в свои университеты 20 тыс. китайских студентов. Наверное, отсюда потянулась ниточка, с одной стороны, к площади Тяньаньмынь, а с другой – к китайскому «экономическому чуду».

Важно и другое. Хотя мы говорим о силе государства, следует учитывать, что «мягкая сила» не принадлежит правительству в той мере, в какой к нему относится «жесткая сила». Многие ресурсы «мягкой силы» в США отделены от правительственной сферы и лишь частично (и не всегда) могут соответствовать официальному курсу, а временами и противостоят ему. В действительности источником и проводником «мягкой силы» в большей мере, чем официальные являются неправительственные организации, влияние которых способно в ряде случаев превосходить государственное воздействие на внешний мир. В США, например, в период войны во Вьетнаме они были особенно четко разделены и противостояли

¹ Vedrine H. With Moisi D. France in Age of globalization. – P.: Brookings Institution Press, 2002. – P. 3.

друг другу. И сегодня многие американские фирмы (бизнесмены) и неправительственные организации создают и используют «мягкую силу» в своих интересах и по своему усмотрению¹.

Технологическая революция средств информации и коммуникации, развивающаяся в рамках глобализации политики, экономики, безопасности, социальной жизни, имеет тенденцию перенастраивать властные функции с государства (некогда основного субъекта международных отношений) на отдельных индивидуумов или групп, создавая для тех и других возможность играть большую, нежели прежде, роль в мировой политике. В этом же направлении работает и приватизация, в огромных масштабах расширяющая зону ответственности некоммерческих организаций. (В этом смысле терроризм является не чем иным, как приватизацией войны, всегда бывшей прерогативой государства). Бывший американский посол в Москве Т. Пикеринг утверждал, что неправительственные организации «являют собой значительную и важную силу. Во многих сферах американской внешней политики - от прав человека до экологии – они фактически становятся основной движущей силой»². Все это не может не способствовать дальнейшей диверсификации понятия силы во внешней среде. Выиграть битву за мир намного труднее, чем одержать победу в войне, поэтому «мягкая сила» необходима для утверждения новых веяний в мировой политике.

Далее следует отметить о «разумной силе», которая возникла в конце XIX века. «Разумная сила» используется в системе международных отношений. Данный термин впервые был использован американским ученым политологом Дж. Найом. По представлению ученого «Разумная сила» - это способность объединить твердую и мягкую силу для выигрыша какой либо стратегии³. Однако, некоторые политологи, среди которых -

¹ Удалов В.В. Баланс сил и баланс интересов. – М.: Международная жизнь, 1998. – 137 с.

² The United States and Europe after the Cold War // Foreign Policy. 8 August 2001year.

³ См.: Nye Jr., Joseph S. (2006-08-19). "In Mideast, the goal is 'smart power'"

Ч.Крокер, Ф.Хэмпсон, и П.Алл полагают, что «разумная сила» - это рациональное использования дипломатии, переговоров, наращивание потенциала и проекции силы для влияния в политическую и социальную сферу¹.

Развивая предложенную тему, необходимо отметить, что попытки перейти к практической реализации концепции «Разумной силы» начались в периоде правления Дж. Буша младшего. Одним из ярых сторонников в администрации Дж.Буша указанной концепции был Р.Гейтс.

Что касается самой концепции «разумной силы», то она возникла в 2003 году, во время очередной военной операции в Ираке. Это обуславливается тем, что США на тот момент начала испытывать серьезные убытки не только в военной, но и экономической сфере, что привело к снижению имиджа страны на мировой арене.

С целью восстановления и укрепления позиций США на мировой арене, С.Носсель предложил три направления, ранее имевшее понятие как система «grid» т.е. энергетической сети – системы «проводников» могущества. Система «grid» была разработана еще президентами США Рузвельтом и Трумэном в период «холодной войны», и в настоящее время потеряло свою актуальность.

Таким образом, С.Носселем были предложены следующие направления:

1) создание «стабилизационных корпусов» – военных частей, ответственных за постконфликтную реконструкцию и стабилизацию обстановки;

2) обновленная система распределения ответственности США по отношению к союзникам (прежде всего, ЕС): Америка как лидер в обучении, разработке новых методов предотвращения угроз, занимающийся наиболее сложными и неотложными, но далеко не всеми «случаями»;

¹ Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. US Institute of Peace Press. 13 p.

3) реформирование ООН, развитие ее оперативных возможностей, устранение антизападных блоков развивающихся стран внутри ООН (Движение неприсоединения), оптимизация структуры ООН, изменение роли и дипломатического стиля США в ООН на более инициативный, многосторонний и компромиссный¹.

Так, в 2006 г. американским мозговым «Центром стратегических и международных исследований» была создана двухпартийная комиссия по «разумной мощи», которую возглавили бывший заместитель госсекретаря США (2001 – 2005) Р.Армитидж и Дж. Най. Отчет комиссии, опубликованный в 2007 году, содержал набор рекомендаций относительно того, каким образом следующий президент США, вне зависимости от партийной принадлежности, сможет реализовать данную стратегическую линию².

Как полагают Р.Армитидж и Дж.Най, сегодня США «имеют все возможные шансы, чтобы стать более разумной силой, инвестируя капиталы в глобальное общее благо – предоставляя то, в чем народы и правительства всего мира испытывают потребность, но не могут добиться без американского лидерства»³.

В настоящее время США сосредотачивает свой потенциал на усилении пяти основных значимых сфер, а именно - альянсы и институты, масс медиа, публичной дипломатии, экономической интеграции, технологии и инновации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Таким образом, указанные выше пять ключевых рычагов, призваны сыграть важную роль при проведении стратегии «разумной силы». Так как,

¹ «Умная Мощь» В Арсенале Мировой Политики- И.Чихарев. <http://www.intertrends.ru>

² См.:Там же

³ CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America. W., 2007, P.1

если альянсами и институтами разрабатываются методы использования всех видов сил международных отношений, то публичная дипломатия и экономическая интеграция является полигоном, для использования мягкой силы. Что же касается технологии и инновации то, на наш взгляд данная сфера является симбиозом использования как «жесткой силы», так и «мягкой силы», а их рациональное использование проводит концепции «разумной силы».

ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ФАКТОРА СИЛ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

2.1. Особенности фактора сил в пост-биполярной системе.

На сегодняшний день система межгосударственных отношений принадлежит к числу систем развивающийся с турбулентным регуляционным механизмом, так как в ней отсутствует единый орган управления, позволяющий координировать и направлять действия отдельных структурных элементов. Состояние равновесия в системе международных отношений обеспечивается столкновением различных интересов и сопровождающих их действий государств на международной арене.

Особенностью системы международных отношений является то, что она не только обеспечивает связь между государствами, но и является объектом их внешнеполитической деятельности. Каждое государство, преследуя свои специфические интересы на международной арене, оказывает на нее определенное воздействие и является, тем самым, носителем, субъектом силы. Говоря о субъектах силы, мы можем сделать четкое разделение носителей силы ряда крупных государств западного характера США, России, и ряд европейских государств в лице западной цивилизации и Китая в лице восточной.

В настоящий момент, рассматривая потенциал США, можно сделать следующий вывод: США сегодня обладают ведущей мировой экономикой: почти половина из 500 ведущих глобальных компаний – американские, что в 5 раз выше показателей Японии, идущей второй в этом списке. Из сотни ведущих глобальных брендов – 62 американских, из десятка лучших бизнес школ в мире восемь принадлежат американцам. США привлекают почти в 6

раз больше иммигрантов, чем идущая за ними Германия¹. И тем не менее США являясь крупной державой, опираясь на культуру, идеалы (ценности) и политические стратегии, в прошлые годы не раз использовали «мягкую силу» для повышения своего внешнеполитического влияния, для достижения своих внешнеполитических целей ненасильственным путем. Достаточно вспомнить Центральную и Восточную Европу, общественное мнение которой в процессе «бархатных революций» круто повернуло в сторону Соединенных Штатов. Молодежь за «железным занавесом» открывала для себя американскую литературу, слушала американскую музыку по радио, носила поношенные джинсы, имитировала манеру поведения американской молодежи, прежде всего ее активный оппозиционный настрой.

Американская администрация своими действиями может либо усиливать, либо подрывать эффект «мягкой силы» на международной арене. «Самонадеянность², безразличие к мнению других, корпоративный подход к пониманию собственных национальных интересов, принятые на вооружение новыми апологетами односторонности, - кратчайший путь к подрыву основ американской мягкой силы»³, - предупреждает Дж. Най. К сожалению, соотношение «жесткой» и «мягкой» сил в общесиловой ориентации внешней политики США складывается не в пользу последней.

Если речь идет о «жесткой силе» в политике США, то здесь, прежде всего большую роль играют ассиметричные войны. Когда могущественная в военном отношении держава, (сегодня это выражение применимо, прежде всего, к США) вступает в войну, асимметрия практически неизбежна, поскольку противник (вторая сторона), более слабый в военном плане и хуже вооружен⁴. В качестве примера можно привести войну в Персидском заливе в

¹ Давыдов Ю.П. Россия, США и интегрирующаяся Европа // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 11. – С. 3-5.

² Уместно вспомнить о «самонадеянности силы», о которой в конце 1960-х годов писал тогда У. Фулбрайт.

³ Nye J. The Paradox of American Power. – L.: Council on Foreign Relations Press, 2002. – 11 p.

⁴ Даже китайские офицеры пытаются «выработать тактику для развивающихся стран, особенно Китая, чтобы компенсировать их слабость в военном отношении по сравнению с США в войне с использованием высокотехнологичного оружия». Qiao/Liang/WangXiangsui, *Unrestricted Warfare*, Beijing, 1999. - P. 176. По тому же вопросу см. Arthur Bruzzone, «Asymmetrical warfare cuts both ways», *American Daily*,

начале 90-х гг. Ирак не отказался от открытой конфронтации и в итоге потерпел сокрушительное поражение от коалиции, возглавляемой США.

Многие особенности военных действий в ходе новой иракской войны представляют собой весьма яркое проявление асимметричности. В то время как более сильная сторона пытается быстро одержать решительную победу на поле боя путем массированного применения силы, более слабая сторона, признавая военное превосходство противника, избегает открытой конфронтации, которая неизбежно привела бы к уничтожению ее сил и к разгрому. Вместо этого она пытается компенсировать недостаточность своего арсенала, используя нетрадиционные средства и методы и продолжая конфликт посредством тайных операций, направленных на изнурение противника¹.

Что касается России, не вызывает сомнения, что Россия обладает ресурсами, с помощью которых в определенных обстоятельствах она может генерировать и использовать во внешнем мире свою «мягкую силу». Это предполагает, что у России есть нечто такое, что она может дать миру, чем она может привлечь в этом мире своих сторонников, готовых следовать за ней, либо активно поддерживать ее усилия, т.е. в принципе она обладает способностью «мягко влиять» на поведение других субъектов международных отношений.

Эта способность имеет, прежде всего, исторические корни. В годы Второй мировой войны, народ проявил наивысшую степень жертвенности во имя спасения человечества от ужасов фашизма и милитаризма. Это привлекло к тогдашней России симпатии миллионов людей в разных частях мира, формируя атмосферу, в которой могла возникнуть и возникла «мягкая сила». Принципиальная позиция Москвы в вопросах деколонизации, противостояния европейскому империализму вызывала уважение десятков

3 January 2004, доступно в Интернете по адресу: <http://www.americandaily.com/article/1837> (посещение 6 июля 2004 г.).

¹ См. также «Asymmetric Warfare». The USS Cole and the Intifada. – N.Y.: The Estimate, 2004. – Vol.12, доступно в Интернете по адресу: <http://www.theestimate.com/public/110300.html>.

некогда колониальных народов, которые стремились обустроить себя по советскому образцу¹. Утопическое обещание советского коммунизма одним махом решить многие трудные социальные, гуманитарные, экономические проблемы привлекало массы людей в развивающихся странах, готовых вместе с Н. Хрущевым навсегда похоронить капитализм. Высокие темпы развития экономики в первый послевоенный период, запуск первым в 1957 г. искусственного спутника Земли укрепляли авторитет СССР (России) во внешнем мире, расширяли его влияние².

Между тем, как отмечал авторитетный американский эксперт по России Пол Хлебников, «здоровое государство не следует путать с сильным. Россия была страной сильной, но отнюдь не здоровой. Те, кто считает, что здоровое государство – это сильный центр, забывают об одном: сильный центр – это лишь вершина пирамиды. Фундамент – это местные власти и независимые общественные структуры, которые конкурируют с центральным правительством, решая местные и государственные задачи»³.

Однако Москва состязательности в ценностной области всегда предпочитала соревнования в силовой сфере. Именно здесь она надеялась на успех, но именно здесь она и потерпела свое самое сильное поражение. Так, жесткое силовое подавление антисоциалистических выступлений в ГДР в 1953г., в Венгрии и Польше в 1956г., в Чехословакии в 1968г., попытки Москвы сокрушить польскую «Солидарность» в 1981г., оккупация Афганистана в 1979г. – все это работало на подрыв международного авторитета СССР (России). Это прошлое и продолжает и сегодня влиять на формирование российских отношений с внешним миром. Ни одна из бывших социалистических стран не последовала за Россией после «бархатных революций». «Россия когда-то обладала значительным уровнем мягкой

¹ Gorbachev M. Perestroika. New Thinking for Our Country and the World. – N.Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 2005. – 37 p.

² Салмин. А.М. Внешнеполитический механизм Российской Федерации. – М.: Наука, 2003. – С. 125.

³ Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский. – М.: Международные отношения, 2006. – 198 с.

силы, но она растеряла большую ее часть в связи с вторжением в Венгрию и Чехословакию»¹, констатирует Дж. Най.

Использование Б. Ельциным в октябре 1993 г. военной силы для разгона законно избранного парламента, а через год и начало военной операции в Чечне загубили первые ростки российской «мягкой силы». Генералы, проигравшие войну в Чечне, стали убеждать общество, что в их поражении виновата демократия, мягкость к противнику. Борьба со «своим» терроризмом ведется жесткими методами. Фактически на вооружение взята «жесткая стратегия» Израиля против арабских экстремистов, который безуспешно воюет с ними таким способом уже 60 лет. В ходе российско-украинского («газового») кризиса 2005 года, обострения отношений с Грузией и Молдавией («винный кризис», очередной «шпионский скандал») российское руководство активно использовало жесткое экономическое давление на соседей для достижения своих целей².

Вместе с тем иногда трудно понять, насколько принципиальна апелляция Москвы к той или иной силе – «жесткой» или «мягкой». В самом деле, она наотрез отказывается вести диалог с чеченскими сепаратистами и в то же время до последнего сопротивлялась жесткому подходу США к режиму Саддама Хусейна, проявляет готовность иметь дело с движениями «Хамас» и «Хезболла» и одновременно выступает за мягкий подход к решению ядерной проблемы Ирана.

Если изучит влияния России на стран Центральной Азии, то можно отметить, что на современном этапе Россия (РФ) оказывает огромное влияние на страны Центральной Азии использованием двух видов сил известных международным отношениям – жесткая и мягкая сила.

Говоря о жесткой силе РФ на современном этапе, то необходимо подчеркнуть следующие аспекты:

¹ Nye J. *Soft Power*. – N.Y.: Random House, 2002. – 28 p..

² Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике. – М.: Просвещение, 2007. – Т.4. – 127 с..

- В настоящее время РФ располагает при себе 7 военных объектов в Республике Казахстан, 5 в Кыргызстане, и 2 в Таджикистане. Данное количество военных баз служит для РФ своего рода плацдармом военного присутствия Российских военных сил в регионе ЦА.

- Кроме того, РФ на современном этапе осуществляет торговлю военной техники со странами ЦА, что в свою очередь, данное обстоятельство позволяет РФ устанавливать свою внутреннюю цену на вооружения в регионе.

- Говоря об ОДКБ, то следует отметить, что военные учения в рамках ОДКБ направлены на поддержание в той или иной форме зависимости государств Центральной Азии в сфере обороны, которая по сути дела должна опираться на российскую военную мощь.

Что касается мягкой силы то, необходимо подчеркнуть следующее:

- Сегодня в «скандале Рогунского ГЭС» РФ выступает как модератор решения проблем стран ЦА, что свою очередь позволяет ей быть в курсе дела о ситуации стран ЦА, как в экономическом, так и политическом.

- В экономическом плане РФ тоже занимает лидирующие позиции в ЦА. Так как РФ для стран ЦА является первым внешнеторговым партнером. Тому свидетельствует то, что сегодня страны ЦА являются основными экспортерами сельхоз продукции в РФ.

- В культурном плане также РФ оказывает огромное влияние на страны ЦА. Прежде всего, это проявляется тем, что образования в РФ для стран граждан ЦА является показателем престижа.

-Далее, имеет место быть влияние российской культуры на трудовых мигрантов из ЦА, что в свою очередь, данная обстановка может послужить для РФ импульсом установления мягкой силы в регионе ЦА¹.

¹ Farkhod Tolipov - 'Power Being' and 'Power Projection' of Russia in Central Asia

Если брать во внимание Китай, то Западные аналитики начинают сравнивать подъем Китая с дестабилизирующим мировую систему выходом вперед кайзеровской Германии на рубеже XIX-XX вв. Премьер Сингапура Ли Куан Ю оценил подъем Китая следующим образом: «Размеры изменения Китаем расстановки сил в мире таковы, что миру понадобится от 30 до 40 лет, чтобы восстановить потерянный баланс. На международную сцену выходит не просто еще один игрок. Выходит величайший игрок в истории человечества»¹.

В закрытом китайском документе 1992 г. говорилось: «Со времени превращения в единственную сверхдержаву США жестоко борются за достижение нового гегемонизма и преобладание силовой политики - и все это в условиях их вхождения в стадию относительного упадка и обозначения предела их возможностей». Генсек КНР Чжао Цзянь заявил в 1995 г., что враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить нашу страну». По мнению китайских лидеров, США пытаются «разделить Китай территориально, подчинить его политически и духовно, сдержать стратегически и сокрушить экономически».

Обозначившаяся самоуверенность Китая вытекает из нескольких оснований:

1 – феноменальный экономический рост. За 50 лет китайцы сумели сделать то, на что Западу понадобилось несколько столетий.

2 - впервые открыто проявившее себя представление о том, что азиатские религиозность и культура не только имеют равные права на уважение, но по многим стандартам выше западной, подошедшей к своему упадку.

¹ Косырев. Д. Доклад конференции Института Дальнего Востока РАН и Китайского института современных международных отношений // Развитие Китая на современном этапе: II науч. конф. 23- 24 июня 2004. – М., 2004. –57 с.

3- призыв к не западным обществам отвергнуть старые догмы. Англосаксонская модель развития, столь почитавшаяся в предшествующие четыре десятилетия как наилучший способ модернизации и построения эффективной политической системы, попросту не работает.

Представители осторожной точки зрения (скажем, П.Кеннеди) призывают не драматизировать ситуацию, считая, что Азии понадобится еще очень много лет, для посягательства на мировое лидерство и Запад сумеет подготовиться к решающему выяснению отношений: - «Из 2010 г. экстраполяция нынешних тенденций роста Азии будет выглядеть столь же глупой, как и страхи 60-х годов относительно советского индустриального превосходства».

Современное человечество живет на рубеже очередной смены веков, заключающейся в постепенной подмене применения силы в международных отношениях для достижения собственных интересов другими, более моральными, цивилизованными способами. Именно окончание «холодной войны», победу в которой Запад целиком приписывает себе, стало началом новой эры. Отличительная черта этого сдвига состояла в том, что он не был следствием традиционного насилия, он явился результатом согласия - Восток и Запад с одинаковым энтузиазмом приветствовали уход в прошлое эры конфронтации. Вместе с тем сдвиг этот был фундаментален по своей значимости, ибо речь идет не просто о замене одного мирового порядка другим и даже не о том, чтобы однополярный мир заменить на многополюсный, речь идет о вещах более глубинных - повышению роли дипломатии в международных отношениях, как более цивилизованного и эффективного противовеса методу силового принуждения в международных отношениях.

После того, как тысячи лет в мире довлела сила, ординарному мышлению трудно поверить, что существуют другие способы решения международных споров и конфликтов. И тем более трудно поверить в то, что

в далеком будущем небольшие, но независимые государства смогут на равных, на основе взаимного уважения и доверия договариваться с ядерными державами, способными выставить миллионные армии. Это кажется таким же невероятным, как то, что в один момент все люди на земле начнут руководствоваться в своих поступках кантовским «категорическим императивом», или будет создано единое мировое правительство, описанное фантастами нескольких последних поколений.

2.2. Место и роль фактора силы в урегулировании конфликтных ситуаций в международных отношениях

Политика - неустранимый аспект общественного существования. Политика решает сегодня направленность развития государства, его внешние и внутренние связи, руководит обществом, берет на себя ответственность за решения государственного характера, а самое главное, соблюдает законотворческую деятельность, благодаря которой возможно разрешение конфликтов в том числе. Это с точки зрения управления государством. Политика же многолика. Можно сказать, что политика возникла из требований, взаимно предъявляемых людьми друг другу и проистекающих из этого усилий по разрешению противоречий, когда требования оказываются конфликтными, по распределению дефицитных благ и руководству обществом для достижения общих целей. В многочисленных своих обликах - в виде деятельности по принятию решений, распределению благ, выдвижению целей, социальному руководству, соисканию власти, осуществлению конкуренции интересов и оказанию влияния - политика может обнаруживаться внутри любой общественной группы. Политика универсальна, способна воздействовать практически на любые стороны

общественной жизни, - эти ее свойства обуславливают ее немаловажную роль в обществе.

Функционально и структурно конфликты похожи - у конфликтов любого типа есть субъект, объект, причина, цель, интерес. К примеру, многие политические конфликты возникают по поводу интересов, ценностей, взглядов и т.д. И все же в политическом конфликте на первом месте всегда интерес, связанный с властью, как орудием доступа к обладанию и распределению благ. Все остальное - прикрытие или обоснование интересов. Значит, значимым в конфликте является не его составляющие, не его субъекты и объекты, а интерес, точнее сфера интереса. Последняя, обычно обуславливает развитие конфликта, его масштаб и как итог, методы регулирования. По этому поводу интересе представляет высказывание видного английского политика Пальмерстона: «У нас нет вечных соперников и вечных врагов, вечны, для нас только интересы»¹.

Политический конфликт являет собою определенный вид общественных отношений между людьми. Однако это можно сказать, что этот конфликт несколько иного рода по той причине, что он возникает и существует по поводу политической власти и ее функционирования в обществе и задействует в себе не отдельные индивиды, а социальные группы, причем массовые. Более того, политический конфликт наиболее социально значим, так как его последствия, независимо от желания субъектов, не принимающих участия в ней, сказываются, как правило, на всех сферах общественной жизни.

Политический конфликт все-таки является формой политических отношений и отличается от других тем, что его содержание составляет взаимодействие между субъектами, связанное с существованием, выявлением, и реализацией общих интересов, в первую очередь больших социальных групп. Государственная власть - орудие защиты и

¹ Верт Н. История советского государства. 1900-1991.- М., 1992 - с. 356.

осуществления этих интересов. Поэтому объект и предмет политического конфликта включают в себя обладание властью, устройство государственных и прочих политических институтов, политический статус общественных групп и образующих их индивидов, ценности и символы власти, ее ресурсы (материальные и человеческие).

Политика очень противоречива по своей сути, что приводит к разногласиям. Но политика настолько гибка и настолько проникла во все структуры общественной жизни, что может позволить себе подвластными ей методами контролировать, урегулировать конфликт, а в отдельных случаях даже не допустить его развития.

С подобной точки зрения политика рассматривается как деятельность по насильственному и мирному разрешению конфликтов. Хотя общую окраску политике придает конфликт, она обычно невозможна без определенного консенсуса, согласия ее участников, основанного на их общей заинтересованности в общественном порядке, на признании правомерности власти и необходимости подчинения закону и т.п.

В процессе становления конфликта происходит непосредственная кристаллизация интересов оппонентов, что и стимулирует дальнейшее развитие. На этапе формирования конфликта чрезвычайно важно значение идентификации противоположных субъектов. Перерастание конфликтной ситуации в конфликт представляет собой многоэтапный процесс. Тем не менее, по своей сути он представляет собой единое целое по нескольким причинам: взаимодействуют одни и те же субъекты, при этом сохраняется та или иная форма их идентичности.

В то же время, занимаясь урегулированием, нельзя не учитывать, что развитие конфликта может пойти и по прямо противоположному пути - по пути ухудшения условий для урегулирования. В истории немало случаев, когда условия для урегулирования были упущены и в итоге конфликт

усиливался, и сторонам приходилось вновь, уже в более сложных условиях, искать возможности для взаимоприемлемых решений.

Помимо всего прочего, следует учитывать, что степень враждебности сторон, находящихся в конфликтных отношениях, может быть различной. Различными могут быть сферы урегулирования отношений и полнота принятия решений в них. Иногда конфликтные отношения оказываются настолько значительными, что включают все области отношений между сторонами.

На протяжении всей истории человечества было немало войн, которые в своем роде тоже представляют результат развития конфликта. Поэтому сегодня, в период глобализации и развитых мировых отношений наиболее актуальным и желательным считается мирное разрешение конфликта. Поиск мирных путей разрешения конфликтов представляет собой сложный, творческий процесс определения путей дальнейшего развития. При мирном разрешении конфликта не только предотвращается тот или иной конкретный конфликт, но и идет формирование определенной культуры, способствующей разрешению мирным способом и других противоречий, в ряде случаев гораздо более серьезных. Таким образом, складывается мировая практика в урегулировании конфликтов мирным, договорным путем. Хочется отметить, что в том числе и для этих целей созданы всемирные организации типа ООН, Евросоюз, ВТО. Да, они различные по своей направленности и природе, но в силу своих полномочий способны создать условия, которые смогут помочь в процессе урегулирования или даже предотвращения конфликтных ситуаций. Хотя стоит отметить, что у этих организаций несколько более глобальное предназначение - работа с международными конфликтами.

Международный конфликт несколько отличен от другого рода конфликтов - он возникает, когда одно государство или группа государств, стремится навязать свои интересы другим, объявляет и добивается их

монополии, ущемляя или вообще не принимая во внимание любые иные интересы. Сфера политических интересов, составляющих предмет конфликта весьма широка: от непосредственно политических (безопасность, границы государств и т.д.) до общих экономических, национальных, информационных, идеологических и даже религиозных вопросов. Как было отмечено выше, подобные инциденты решаются на мировом уровне силами мировых организаций.

Международные конфликты нередко делятся многими десятилетиями и даже веками, периодически затихая, а затем обостряясь в виде так называемых «холодных» и «горячих» войн. Тому пример все та же - "холодная война" Запада против СССР. За длительный период истории этого конфликта не раз менялись противоположные интересы, иногда они примирались; складывались и менялись различные структуры субъектов конфликта, появлялись новые противоречия вместо разрешенных или неразрешенных.

В теории обычно встречается противопоставление двух подходов к конфликту, а именно подходов, основанных на силовых или мирных методах его разрешения. При этом под силовыми методами обычно понимают вооруженные средства борьбы, а под мирными - переговоры, т.е. мирные средства в узком смысле слова (без учета правовых процедур). Силовые и мирные методы соотносятся с двумя крайними методами: борьбой, имеющей вооруженный характер, и переговорами. Выделение в анализе только этих крайних методов - вооруженных и мирных - во многих случаях оправдано, особенно если принять во внимание серьезную опасность, связанную с использованием вооруженных методов (*hard power*) разрешения конфликта в современном мире. Однако следует отметить, что достаточно часто эти методы переходят один в другой. Будучи действительно принципиально различными и даже антагонистическими по своей сути, мирные методы и силовые подходы на протяжении вековой истории человечества составляли

диалектическое единство: войны часто заканчивались мирными переговорами, а заключенные в результате переговоров соглашения нарушались в ходе войн. Более того, во многих случаях эти крайние методы использовались как дополняющие друг друга средства в достижении политических целей.

Классическими примерами сочетания военных и переговорных методов (soft power) являются случаи, когда одна из сторон начинала военные действия против другой и, завоевав часть территории, садилась за стол переговоров, но уже с позиции силы. Конечно, есть вероятность, что при краткосрочных военных действиях достигается в той или иной мере желаемая цель. Также случалось, что участники конфликта вели боевые действия и одновременно налаживали переговорный диалог. Все это позволило французскому исследователю А. Плантею прийти к заключению, что вооруженные действия и переговоры представляют собой сопутствующие, иногда конкурирующие, но не взаимоисключающие типы отношений в человеческом обществе.

К примеру, в том же чеченском конфликте, сначала говорили пушки, а уже потом дипломаты.

С другой стороны военные и мирные методы разрешения конфликтов и на практике, и в научных исследованиях нередко противопоставляются друг другу. Особенно ярко это противопоставление проводилось и проводится в сфере международных отношений. «Так, канадский исследователь переговоров Г. Уинхэм пишет, что переговоры выступали наподобие крепости или великой стены и были инструментом тех, кто инстинктивно старался сохранить достигнутое. Величайшим благом, которое могли дать переговоры, была стабильность, а самая большая угроза стабильности исходила именно от тех, кто стремился изменить международный статус-кво посредством военного насилия»¹.

¹ Зеркин Д.П. Основы конфликтологии.: Курс лекций. 1998., с-25-27.

Как отмечалось выше, предупреждение конфликта - это деятельность, направленная на недопущение его возникновения и разрушительного влияния на ту или иную сторону, тот или иной элемент общественной системы. Предупреждение конфликта подразумевает его прогнозирование. А прогнозирование в определенном роде является одной из форм предвидения. В основе прогнозирования лежит повышение эффективности и результативности принимаемых решений, разработка конкретных рекомендаций для практической деятельности т.е, использование «smart power». Основными задачами прогнозирования являются: отсутствие нежелательных результатов развития событий; адаптация к неизбежному; ускорение вероятного развития конкретного явления в желательном направлении.

В науке существует несколько классификаций прогнозирования: по основным типам – «поисковое (определение возможных состояний явления в будущем) и нормативное (определение путей и сроков достижения возможных состояний явления, принимаемых в качестве цели); по периоду упреждения - оперативное (до 1 мес.), краткосрочное (от 1 мес. до 1 года), среднесрочное (от 1 года до 5 лет), долгосрочное (от 5 до 15 лет), сверхдолгосрочное (более 15 лет); по сферам предсказания (внутриполитическое, внешнеполитическое). Основные принципы прогнозирования: системность, согласованность, непрерывность, верификация, альтернативность, рентабельность. Прогнозирование осуществляется по нескольким этапам: предпрогнозная ориентация, сбор данных прогнозного фона, разработка базовой модели, построение поисковой модели, создание нормативной модели, оценка достоверности и точности прогноза, выработка рекомендаций¹.

Не любые конфликты общественные субъекты стремятся предотвратить. В иных конфликтах они заинтересованы. Стимулирование конструктивных

¹ Здравомыслов А. Социология конфликта. М., 1996 (3-е издание). С-76-79.

конфликтов, являющихся двигателем прогрессивных изменений, модернизации общественной системы, составляет весьма существенную сторону социального управления. Речь не идет об искусственном нагнетании конфронтации, о насаждении враждебности в обществе, что обычно практикуется агрессивными силами для оправдания своего существования. Метод разжигания конфликтов также широко используется бюрократическими элементами в управленческих организациях и трудовых коллективах. Стратегия стимулирования конфликтов - это стратегия мобилизации активности того или иного общественного субъекта при решении жизненно важных проблем, стратегия развития позитивной инициативы, достижения оптимального эффекта социального управления.

Существует много различных квалификаций методов урегулирования конфликта. Например, можно выделить три группы методов, облегчающих поиск мирного выхода из конфликта. Первая группа направлена на предотвращение развития насильственной стадии развития конфликта. Вторая - на разрешение противоречий, вызвавших конфликт. И, наконец, третья, наиболее разработанная, - на снижение уровня противостояния сторон, отказ каждого участника от односторонних действий и переход к поиску совместного решения проблемы.

Каждая из групп методов, как и сами методы, обладают рядом достоинств, недостатков и ограничений. Обычно наиболее эффективным в процессе урегулирования конфликта является комплексное применение различных методов в зависимости от конкретных условий и характера конфликта, чаще всего мирных переговоров (*soft power*).

Говоря о методе прогнозирования, принято относить раннюю диагностику и выявление причин конфликта с целью в дальнейшем не допустить его дальнейшего разрастания. Для этих целей часто используются стандартизированные процедуры, основанные на отслеживании конфликтных отношений с помощью новейших информационных систем.

Однако основной акцент делается на развитие институтов и механизмов предупреждения насильственных форм развития конфликтов. К их числу относится создание широкой сети государственных и негосударственных консультационных служб. Важнейшая роль в предупреждении конфликтов принадлежит системе образования, СМИ (smart power).

2.3. Позиция Узбекистана в урегулировании международных и региональных конфликтов

В настоящее время в мире формируется принципиально новая система международных отношений, где, к сожалению, наблюдается возникновение и активация региональных конфликтов, которые в свою очередь влияют и на международную безопасность. Как отмечает Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов: «На наших глазах разворачиваются глубинные процессы, которые несут в себе фундаментальные изменения в геополитическом, экономическом, социальном и информационно-коммуникационном облике современного мира»¹.

С обретением независимости Республика Узбекистан стала активно предпринимать действия на международной арене по урегулированию международных и региональных конфликтов. Основные документы, характеризующие позицию Узбекистана в урегулировании этих конфликтов, отражены не только в нормативно-правовых актах, но и в выступлениях главы государства на различных саммитах и конференциях.

Так, к примеру, выступления Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова на генеральных ассамблеях ООН (1993, 1995, 2000), саммите ОБСЕ, в рамках встреч глав-государств СНГ, ОДКБ, ШОС и т.д.².

¹ Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая Родина. – Т.: Ўзбекистон, 1996. – С. 22-23.

² Каримов И.А. За безопасность и мир надо бороться. – Т.: Ўзбекистон, 2002. – Т.10. – С. 47.

Важнейшим документом, где отражены интересы нашей страны по данному вопросу, является Конституция Республики Узбекистан. Так в статье 17 отмечается, что: «Республика Узбекистан является полноправным субъектом международных отношений. Ее внешняя политика исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права»¹.

Отличительной особенностью национальной внешней политики с момента обретения независимости стала формировавшаяся и реализуемая под руководством Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова «дипломатия упреждения»². Ее суть заключается в том, что возникающие проблемы следует решать по существу, системно, последовательно и принципиально. Она направлена на своевременное предотвращение эскалации напряженности, недопущение развития конфликтных ситуаций и других негативных проявлений.

С первых дней независимости Президент нашей страны И.А.Каримов неоднократно обращал внимание на крайне напряженную ситуацию в соседнем Афганистане, сложность урегулирования афганской проблемы и ее постоянную трансформацию, оказывающие серьезное негативное влияние на обеспечение безопасности и развитие сотрудничества, сопредельных с Афганистаном стран Центральной Азии, и предлагал возможные пути ее разрешения, как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Продолжающееся обострение и эскалация противостояния в Афганистане по-прежнему остается одной из растущих угроз безопасности и стабильности в регионе Центральной Азии.

Следует отметить, что на афганской территории остается большое количество оружия и боевой техники. Президент Республики Узбекистан

¹ Конституция Республики Узбекистан. – Т.: Ўзбекистон, 2008. – С. 6.

² Каримов И.А. За процветание Родины – каждый из нас в ответе. – Т.: Ўзбекистон, 2001. – Т.9. – С. 34.

И.А.Каримов в пресс-конференции для журналистов, входящих в Международную ассоциацию иностранных корреспондентов, аккредитованных в СНГ (4 марта 1992г.) подчеркивал: «В Афганистане сейчас накоплено столько оружия, сколько нет ни в одной стране мира, если считать единицы оружия на душу населения. И никого это не волнует. Через границу оружие и наркотики поступают в Центральноазиатские республики, и нет никакого контроля за границей ни со стороны ООН, ни со стороны других международных организаций»¹.

По оценкам ООН, на руках у населения страны по-прежнему находится более 2,5 млн. единиц легкого стрелкового оружия². Более того, в настоящее время оружие, как легально поступающее для вооружения создаваемой афганской армии, так и доставляемое в страну контрабандным путем, значительно превосходит по своему уровню и качеству ранее находившееся в стране³.

В Узбекистане глубоко убеждены, что для достижения мира и стабильности в Афганистане, выработки общеафганской позиции по формированию легитимного и широкопредставительного правительства, признанного мировым сообществом, необходимо учитывать три принципиально важных условия:

Первое. Сокращение огромного количества вооружений, накопленных за многие годы войны в Афганистане. Создание демилитаризованного, нейтрального Афганистана. В декабре 2001 года Президент Узбекистана И.А.Каримов направил Обращение к Генеральному Секретарю ООН К.

¹ Каримов И. А. Я убежден - у Узбекистана великое будущее (пресс-конференция для журналистов, входящих в Международную ассоциацию иностранных корреспондентов, аккредитованных в СНГ. 4 марта 1992 г.) // Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. - Т.: Узбекистон, 1996. - Т. 1. - С. 151.

² Касымов А, Васькин И. Основные направления внешней политики Республики Узбекистан. - Т.: Шарк, 1994. - С.80-81.

³ Там же. - С. 80-81.

Аннану в котором была изложена необходимость демилитаризации Афганистана¹.

Второе. Узбекистан выступает за единый неделимый Афганистан в рамках существующих, признанных границ. Вместе с тем представляется целесообразным в основу государственного устройства Афганистана с учетом исторически сложившихся региональных и этнических его особенностей положить федеративное устройство.

Третье. Формирование единого международного Фонда восстановления Афганистана, управляемого советом государств-доноров. Выделение средств из этого Фонда должно стимулировать конструктивную линию поведения внутриафганских сил, направленную на достижение мира, стабильности и процветания в Афганистане. Это является важным фактором постконфликтного социально-экономического восстановления страны².

В течение почти двух лет группой «6+2» при координации Специального посланника Генерального секретаря ООН по Афганистану, известного дипломата Л.Брахими была проделана большая и кропотливая работа по выработке общих принципов и единых подходов стран-членов группы по поиску путей выхода из афганского кризиса. Положительным результатом данной работы стало проведение 19—20 июля 1999г. Ташкентской встречи по Афганистану на уровне заместителей министров иностранных дел с участием представителей ООН, а также двух основных противоборствующих сторон в ИРА — Объединенного фронта (Северного альянса) и движения «Талибан». По итогам встречи была подписана Ташкентская Декларация об основных принципах урегулирования конфликта в Афганистане³. В указанном документе определялись задачи не только по прекращению военных действий, но и развитию экономической,

¹ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.: Узбекистан, 1997. – С. 35.

² Туляганова Н.У. Афганский конфликт и его последствия в контексте становления новой системы безопасности в Центральной Азии: Дис. ... док. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2006. – С. 48-49.

³ Об итогах проведения под эгидой ООН Ташкентской встречи группы «6+2» по Афганистану. – ИА «Жахон». – 22.07.1999.

политической и общественной жизни после войны. При этом Ташкентская декларация получила статус официального документа ООН¹.

В своем выступлении на данной встрече Президент Узбекистана ознакомил ее участников с позицией узбекской стороны в отношении перспектив дальнейшего мирного процесса при содействии группы «6+2» под эгидой ООН, который мог бы состоять из следующих этапов:

Во-первых, необходимым начальным этапом является заключение при посредничестве спецпосланника Генерального секретаря ООН соглашений между противостоящими сегодня двумя основными силами Афганистана о прекращении огня, обмене военнопленными, открытии дорог и снятии внутренних блокад для доставки гуманитарной помощи в ИРА.

Во-вторых, на следующем этапе представляется целесообразной выработка общих подходов по основным принципам государственного строительства Афганистана и формирования широкопредставительного правительства.

В-третьих, принятие итогового пакета общих соглашений между противоборствующими сторонами об урегулировании конфликта в Афганистане, включая вопросы возвращения беженцев, разминирования, демилитаризации и т.д. В случае согласия афганских сторон, общие соглашения между ними могли бы быть подписаны на встрече с участием министров иностранных дел стран-членов группы «6+2»².

В-четвертых, параллельно с внутриафганским мирным процессом страны-члены группы «6+2» могли бы осуществлять разработку международной программы по оказанию широкомасштабной гуманитарной и финансово-экономической помощи в послевоенном обустройстве Афганистана³.

¹ Новости Центральной Азии.// <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1078225320>.

² Маннопова О.С. Политологическое изучение проблем регионального развития и безопасности в Центральной Азии в зарубежной русскоязычной литературе: Дис. ... канд. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2004. – С. 35-36.

³ Каримов И.А. По пути безопасности и стабильного развития.– Т.: Ўзбекистон, 1998. – Т.6. – С. 68.

В-пятых, при таком развитии событий на заключительном этапе можно было бы рассмотреть вопрос о проведении специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по Афганистану, что явилось бы символом политического признания международным сообществом итоговых соглашений по установлению мира в этой стране¹.

Узбекистан с самых авторитетных международных трибун выдвигал практические инициативы по решению данного конфликта. В частности, Президентом Узбекистана на саммите НАТО/СЕАП в апреле 2008 года в Бухаресте впервые было высказано мнение о том, что афганскую проблему нельзя решить только военными средствами. В деле разрешения конфликта в Афганистане нами была выдвинута инициатива преобразовать контактную группу «6+2» в «6+3», имея в виду участие в ней наряду с сопредельными с Афганистаном странами США, России и представителей НАТО. Эта инициатива вызвала большой интерес международного сообщества².

Знаковым событием о сотрудничестве с Афганистаном стало проведение по инициативе правительств Узбекистана и Афганистана в Ташкенте в марте 2005г. бизнес-форума «Развитие сотрудничества в целях восстановления Афганистана: продвижение товаров, услуг и передовых знаний»³.

О развитии доверительных узбекско-афганских отношений свидетельствует визит делегации во главе с председателем Сената Парламента ИРА С.Моджаддеди в Ташкент в июне 2006 г., в ходе которого стороны отметили последовательное развитие связей между двумя соседними странами. В декабре 2006 г. Узбекистан с официальным визитом посетил министр иностранных дел ИРА Р.Д.Спанта, в рамках которого был проведен ряд встреч с руководителями министерств и ведомств республики. Во время переговоров были рассмотрены конкретные меры по развитию

¹ Каримов И.А. Наша высшая цель - независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. – Т.: Узбекистон, 2000. – Т. 8. – С. 31-37.

² Каримов И.А. Наша главная задача – дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа. – Т.: Узбекистан, 2010. – С. 17.

³ Латифов Д. Проблемы сотрудничества государств Центральной Азии и Афганистана: Сб. научных статей «Афганистан и безопасность Центральной Азии». – Бишкек, Институт политологии, 2006. — С. 197-198.

взаимовыгодного узбекско-афганского сотрудничества, отвечающего национальным интересам двух стран, обсуждены вопросы состояния и перспектив развития двусторонних торгово-экономических и культурно-гуманитарных отношений, урегулирования ситуации в Афганистане, постконфликтного восстановления страны, а также другие актуальные международные и региональные проблемы¹.

Учитывая исключительную важность социально-экономической реабилитации Афганистана, Узбекистан оказывает содействие афганской стороне по восстановлению разрушенных и строительству новых дорог, осуществляет поставку электроэнергии в северные районы страны. В декабре 2002г. правительство Республики Узбекистан в целях обеспечения эффективной помощи мирового сообщества Афганистану приняло постановление об открытии моста на узбекско-афганской границе, а в ноябре 2003г. в Термезе введен в строй таможенный комплекс «Айритсм»². По просьбе афганского правительства нашей страной было сооружено 11 мостов на участке магистральной автодороги Мазари-Шариф-Кабул. Данные коммуникационные сооружения на начальном этапе процесса экономического восстановления ИРА обеспечили бесперебойное сообщение между севером и югом Афганистана³

Важно отметить, что актуальность и своевременность выдвинутых Узбекистаном предложений подтвердила динамика развития военно-политической ситуации в Афганистане и соответствующих процессов вокруг него за весь прошедший год. Неоспариваемым фактом является отсутствие альтернативы политического решения афганского кризиса и твердое убеждение о возможности стабилизации ситуации в ИРА только мирным путем, а также признание роли соседних стран в восстановлении мирной и

¹ Перспективы решения Афганской проблемы // Народное слово. 9 декабря 2006 год.

² Николаев С. А. Вызовы и угрозы региональной безопасности в Центральной Азии // Большая игра. – 2008. – № 6. – 2-6 с.

³ Предложения Республики Узбекистан в решении Афганской проблемы // Народное слово. 28 марта 2009 год.

спокойной жизни в данной стране, с подключением эффективных региональных механизмов для достижения этого.

Несколько обнадеживает то, что США и их союзники, судя по заявлениям их лидеров, постепенно приходят к мнению о том, что пути достижения значимого результата в деле восстановления мира и стабильности в Афганистане следует искать не столько в дальнейшей эскалации военных действий и расширении масштабов применения силы, сколько в новых, более прагматичных подходах к политическому урегулированию, не исключая эффективной поддержки мирового сообщества в решении социально-экономических проблем в этой стране. Основу таких подходов должны составлять объединение усилий и скоординированные действия соседей Афганистана, России, США и НАТО. При этом никакая глобальная или региональная сила не должна рассматривать Афганистан в качестве полигона для испытания своих геополитических проектов, осуществлять действия в собственных интересах за счет Афганистана. Многое будет зависеть от характера и эффективности международных усилий на афганском направлении¹.

Узбекистан, являясь одной из немногих стран в глобальном масштабе, кровно заинтересованной в скорейшей нормализации ситуации в Афганистане, и дальше будет последовательно осуществлять практическую деятельность по постконфликтному обустройству этой страны. Удобное геостратегическое расположение Узбекистана предполагает активное участие в осуществлении восстановительных работ в Афганистане, и в целом укреплении сотрудничества в целях региональной безопасности.

¹ Назаров И.А. Американские ученые о социальной психологии современного международного терроризма // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 12. – 68-80 с.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Современное человечество живет на рубеже очередной смены веков, заключающейся в постепенной подмене применения силы в международных отношениях для достижения собственных интересов другими, более моральными, цивилизованными способами. Именно окончание «холодной войны», победу в которой Запад целиком приписывает себе, стало началом новой эры. Отличительная черта этого сдвига состояла в том, что он не был следствием традиционного насилия, он явился результатом согласия – Восток и Запад с одинаковым энтузиазмом приветствовали уход в прошлое эры конфронтации. Вместе с тем сдвиг этот был фундаментален по своей значимости, ибо речь идет не просто о замене одного мирового порядка другим и даже не о том, чтобы однополярный мир заменить на многополюсный, речь идет о вещах более глубинных – повышению роли дипломатии в международных отношениях, как более цивилизованного и эффективного противовеса методу силового принуждения в международных отношениях.

ГЛАВА 3. ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ИЛИ РАЗУМНАЯ МОЩЬ КАК ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

3.1. История возникновения «информационных войн»

Сегодня много говорится об «информационной войне», о ее связи с психологическим давлением на гражданское общество. Однако вряд ли кто сможет точно ответить, что это такое. Более того, даже специалисты не смогут ответить на вопрос о том, когда же все-таки родилось само словосочетание «информационная война», когда впервые был поставлен вопрос о том, чтобы рассматривать информацию в качестве оружия? Как известно, о противоборстве идеологий и психологических конфликтах писали всегда, начиная с античности. Война идей всегда сопровождала военные конфликты, а их в истории было много. Под информационной войной теоретик С. Падовер понимает несколько иной тип воздействия, чем тот, который многие десятилетия именовался психологической войной, определяемой как «использование всех возможных видов коммуникации с целью уничтожения желания врага сражаться¹. Здесь речь идет о роли СМИ, а сегодня в первую очередь – ТВ и Интернета.

Первоначально некто Т. Рона использовал термин «информационная война» в отчете, подготовленном им в 1976 году для компании Boeing, и названный «Системы оружия и информационная война». Т. Рона указал, что информационная инфраструктура становится ключевым компонентом американской экономики. В то же самое время, она становится и уязвимой целью, как в военное, так и в мирное время. Этот отчет и можно считать

¹ Padover S.K. Psychological warfare and foreign policy//The theory and practice of international relations. Englewood Cliffs, 1960. - P. 238.

первым упоминанием термина «информационная война». Публикация отчета Т. Рона послужила началом активной кампании в средствах массовой информации. Сама постановка проблемы весьма заинтересовала американских военных, которым свойственно заниматься «секретными материалами». Военно-воздушные силы США начали активно обсуждать этот предмет уже с 1980 года. К тому времени было достигнуто единое понимание того, что информация может быть как целью, так и оружием.

В связи с появлением новых задач после окончания «холодной войны» термин «информационная война» был введен в документы Министерства обороны США. Он стало активно упоминаться в прессе после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 году, где новые информационные технологии впервые были использованы как средство ведения боевых действий. Официально же этот термин впервые введен в директиве министра обороны США DODD 3600 от 21 декабря 1992 года.

Спустя несколько лет, в феврале 1996 года, Министерство обороны США ввело в действие «Доктрину борьбы с системами контроля и управления». Эта публикация излагала принципы борьбы с системами контроля и управления как применение информационной войны в военных действиях. Публикация определяет борьбу с системами контроля и управления как: «объединенное использование приемов и методов безопасности, военного обмана, психологических операций, радиоэлектронной борьбы и физического разрушения объектов системы управления, поддержанных разведкой, для недопущения сбора информации, оказания влияния или уничтожения способностей противника по контролю и управлению над полем боя, при одновременной защите своих сил и сил союзников, а также препятствование противнику делать тоже самое».

В вышеуказанном документе были определены следующие моменты:

- организационная структура,

- порядок планирования,
- обучение и управление ходом информационных операций.

Наиболее важным является то, что эта публикация определила понятие и доктрину войны с системами контроля и управления. Это было впервые, когда Министерство обороны США определило возможности и доктрину информационной войны.

В конце 1996 г. Роберт Банкер - эксперт Пентагона, на одном из симпозиумов представил доклад, посвященный новой военной доктрине вооруженных сил США XXI столетия (концепции «Force XXI»). В ее основу было положено разделение всего театра военных действий на две составляющих:

- традиционное пространство,
- киберпространство.

Причем киберпространство имеет даже более важное значение. Роберт Банкер предложил доктрину «киберманевра», которая должна явиться естественным дополнением традиционных военных концепций, преследующих цель нейтрализации или подавления вооруженных сил противника.

Таким образом, в число сфер ведения боевых действий, помимо земли, моря, воздуха и космоса теперь включается и инфосфера. Как подчеркивают военные эксперты, основными объектами поражения в новых войнах будут информационная инфраструктура и психика противника (появился даже термин «human network»)¹.

Технологическая революция привела к появлению такого термина, как «информационная эра». Это произошло в результате того, что информационные системы стали частью нашей жизни и изменили ее коренным образом.

¹ Гриняев С. Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспективы//<http://www.infwar.ru>

Информационная эра также изменила способ ведения боевых действий, обеспечив командиров беспрецедентным количеством и качеством информации. Теперь командир может наблюдать за ходом ведения боевых действий, анализировать события и доводить информацию. Следует различать войну информационной эры и информационную войну. Война информационной эры использует информационную технологию как средство для успешного проведения боевых операций. Напротив, информационная война рассматривает информацию, как отдельный объект или потенциальное оружие и как выгодную цель. Технологии информационной эры сделали возможной теоретическую возможность - прямое манипулирование информацией противника. Особую роль здесь играет ТВ.

Телевидение – явление высоких технологий. Оно с самого начала развивалось именно как технологичное средство массовой коммуникации, и развитие технологий оказало важное влияние на процесс вхождения ТВ в сферу коммуникаций, а затем в превращение его в доминирующий механизм этой сферы. Поэтому рассмотрение системы западного телевидения начнем именно с технологий как культурного феномена.

Информационная операция - действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку, передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем¹.

Информационная война - комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника².

¹ Панарин И. Н. Информационная война и геополитика/И. Н. Панарин. – М., 1999. С. 48.

² Там же.

Информационная война состоит из действий, предпринимаемых с целью достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации и информационных систем и инфраструктуры.

Система рассуждений противника, отталкиваясь от новых элементов, должна прийти к новым решениям. Всякое сопротивление партнера говорит о том, что полученная им информация оказалась недостаточно эффективна. Тогда, чтобы продолжать борьбу нужно опять выдавать информацию – более значительную, чем выданная ранее, чтобы добыть в обмен информацию о том, что выданная достигла цели. Это выражается в приведении новой, более веской аргументации. Наступающий выдает все новую и новую информацию¹. Реально по этой модели развивается любая информационная кампания. При этом интересно, что основные факты особо не меняются, наращивание новой информации идет на периферии основного обвинения, включая новые дополнительные подтверждения при сохранении старой линии.

Отличия информационной войны от обыкновенной:

1. Обычная война предсказуема и допускает применение оборонных мероприятий. В случае информационной войны возможны определенные операции по защите, «вакцинация» мышления против введения альтернативной точки зрения. Получив и обсудив ее заранее, человек по иному ведет себя в случае реального получения контраргументации. Однако в большинстве случаев возможность предугадать направление и инструментарий возможной атаки в информационной войне отсутствует.

2. В ходе обыкновенной войны территория захватывается полностью, при информационной возможен поэтапный захват, когда аудитория

¹ Черешкин Д., Смолян Г., Цыгичко В. Реалии информационной войны. <http://www.politic.donetsk.ua/terror/terror016.shtml>

завоевывается частями. Вероятна отдельная работа с лидерами мнений, молодежью и т.д. В отличие от бомбы, которая разрушает всех, информационная война действует избирательно, охватывая по-разному различные слои населения. Обычное оружие действует на любую часть населения одинаково.

3. При информационной войне существует возможность многократного захвата одних и тех же людей, что выражается в захвате различных тематических зон сознания.

4. Человек не в состоянии реагировать на невидимое действие, подобное радиации. Более того, это воздействие, по сути, может облекаться в доброжелательную форму, на которую даже чисто биологически человек не готов отвечать агрессивно. Главная опасность информационной войны – отсутствие видимых разрушений, характерных для войн обычных. Население даже не ощущает, что оно подвергается воздействию. В результате, общество не приводит в действие имеющиеся в его распоряжении защитные механизмы. Информационная война выглядит как «мирная», поскольку может идти на фоне всеобщего мира и благополучия.

5. В отличие от войн прошлого, пространство или расстояние не играет в новых войнах той роли, что раньше. От личного контакта в войне аграрного периода и резкого увеличения дистанции в войне индустриального периода мы перешли к информационной войне, перед которой нет ограничения в виде расстояния в пост-индустриальную эпоху.

8. В информационной войне изменяется роль воздействия: от чисто физической – разрушение объекта – к коммуникативной, сохраняющей объект. Задачей теперь становится изменение коммуникативной среды объекта. Войны, направленные на завоевание пространства сменились войнами, направленными на завоевание знаний (умов). «Информационные

технологии позволяют обеспечить разрешение геополитических кризисов, не производя ни одного выстрела».¹

3.2. Информационные войны в современном мире – на примере Великобритании и США в Южно Осетинском конфликте.

Характерной особенностью военно-политического конфликта в Южной Осетии с 7 августа 2008 по 13 августа 2008 го было активное использование ведущими мировыми державами государственных информационных структур.

События в Южной Осетии комментировали многие западные общенациональные газеты. И взгляд на происходящее событие был у каждой страны свой, исходя из политических интересов.

События грузино-осетинского конфликта вновь и со всей очевидностью показали, что против России ведется информационная война с использованием ведущих мировых СМИ. Действия России по обеспечению мира и безопасности на Кавказе были представлены как неоправданные и чрезмерные, а истинный агрессор - как жертва. Медийные корпорации государств-членов НАТО фактически лишили общественность своих стран возможности объективно оценить трагедию. После событий в Южной Осетии в мировые СМИ вернулись штампы «имперские замашки России» и «back in USSR». Такой имидж вредит России во внешней политике и бизнесе. Нас привыкают видеть агрессорами и «нечистыми на руку» партнерами. Нас боятся, и боятся с нами идти на диалог и договариваться.

Россия, «защитив» Южную Осетию и Абхазию и признала их независимость. Однако, в результате информационной войны, мировое сообщество отказалось признать эти новые государства и осудило действия

¹ Шафрански Р. Теория информационного оружия.
http://msnhomepages.talkcity.com/ReportersAlley/fatekhvergasov/_private/Inform_War.htm

РФ. В этом плане даже ближайшие партнеры, такие как Шанхайская организация сотрудничества и Белоруссия, не высказались однозначно в отношении статуса независимости Южной Осетии и Абхазии. Тем не менее, народы этих стран, как и подавляющее большинство граждан РФ, поддерживают решения Дмитрия Медведева. Как отметил Цыганков В.В – Передача правды, формирование нового облика России и наших ценностей за рубежом должны стать государственной программой (в этом отношении можно взять пример с США)¹.

«Война в традиционных СМИ развернулась задолго до начала обстрелов Цхинвала. Западные телеканалы достаточно длительное время акцентировали внимание на демократичности Саакашвили, превознося его ориентированность на Запад, и в негативном ключе освещали деятельность «сепаратистов» из Южной Осетии и Абхазии. Фактически шла подготовка общественного мнения, и пристрелка по информационному полю. Со стороны России же такой подготовки не было, и начавшаяся уже днем 8 августа информационная атака фактически стала для российских СМИ неожиданностью.

Выступления российских дипломатов и военных на Западе не продвигались совершенно. Интересно, что даже после завершения боевых действий в глазах западного обывателя миротворцем стал отнюдь не президент РФ Медведев, а президент Франции Саркози.

Для военной пропаганды, в первую очередь, визуальной, к какой относится телевидение, характерен набор штампов, особенно относящихся к действиям противника, который, как и положено врагу, воюет нечестно. В прошедшей войне все эти штампы были обыграны не один раз – и весьма успешно, впечатлив тихих европейских обывателей»².

¹ Цыганов В. В. Информационный менеджмент и национальная система информационного управления и противоборства/В. В. Цыганов. - Юбилейный: Издательство ПСТМ, 2008. - 28 с. С. 13-15

² Шевяков Т., Жаров М. Хроники информационной войны//<http://lib.aldebaran.ru>

Анализ публикаций общенациональной американской газеты «The New York Times» в период военных действий в зоне грузино-осетинского конфликта с 8 августа по 13 августа, показывает, что негативный образ России и ее лидеров в газете «The New York Times» формировался как агрессора, подстрекателя военных действий за счет применения в ее адрес и правительства, таких ярких экспрессивно-окрашенных высказываний, например, как:

- «Россия положила начало военной действительности»;
- «Россия провела авианалеты по грузинским целям»,
- «авианалеты одобрены Кремлем»,
- «Россия ведет кибервойну»,
- «Россия объявила «война началась»,
- «военное вторжение России»,
- «конфликт в Грузии - передел власти в России»,
- «российские военные самолеты напали на грузинские силы и гражданских жителей в Цхинвали»;
- «Россия начала военное действие в полном масштабе, на воздухе, земле и море»;
- «Кремль измывался и шантажировал своих соседей» и т. д.

В публикациях газеты «The New York Times» заранее одна из противоборствующих сторон (Россия) дискредитируется, а другая (Грузия) восхваляется и освобождается от вины за происходящее. Так, например, Грузия в материалах газеты «The New York Times» изображается жертвой, с помощью таких выражений, как: «российские самолеты обстреливали Грузию»; «российские бомбардировщики летели над Грузией»; «Тбилиси было эвакуировано»; «грузинские правительственные веб-сайты терпели крах»; «военное вторжение в Грузию»; «его (М. Саакашвили) ненавидят в Кремле»; «российские военные самолеты напали на грузинские силы и

гражданских жителей»; Грузия как маяк демократии, Кремль хочет его (М. Саакашвили) убрать» и т.д.

Такая картина войны, в которой «герои» противостоят «варварам», побуждает читателя или аудиторию в целом самоидентифицироваться с добром и демонизировать зло. Газета «The New York Times» навязывает предвзятое суждение о России, закрепляя сложившиеся стереотипы восприятия.

Анализ публикаций общенациональной американской газеты «The New York Times» об участии России в грузино-осетинском конфликте в период военных действий с 8 августа по 13 августа, показывает, что 94% содержания материалов демонизируют образ России и несут негативную окраску действий страны в конфликте.

Таблица 1. The New York Times об участии России в грузино-осетинском конфликте

ДЕМОНИЗАЦИЯ		
Негативный образ (страны, лидера)		
Дата	Название материала	Содержание материала
08.08.2008	Russia and Georgia Clash Over Separatist Region (Столкновение России и Грузии по поводу Сепаратистской Области)	Россия провела авианалеты по грузинским целям; авианалеты одобрены Кремлем; Россия ведет кибервойну; Россия объявила «война началась»; военное вторжение России; конфликт в Грузии - передел власти в России; российские военные самолеты напали на грузинские силы и гражданских жителей в Цхинвали; аэропорты в четырех грузинских городах были поражены (Россией)
09.08.2008	In Georgia Clash, a Lesson on U.S. Need for Russia (В Столкновении Грузии с	Российские самолеты обстреливали Грузию; Россия прекратила бомбить Грузию; Саркози пробовал отговорить

	Россией, урок для американцев в сотрудничестве с Россией)	Россию от ее военного действия; они (русские) предприняли решающее военное действие и положили начало военной действительности; Россия послала военные силы; она (Россия) приняла агрессивные меры, чтобы восстановить свою власть; агрессивность России
10.08.2008	Georgia and Russia Nearing All-Out War (Грузия и Россия приближаются к Всеобщей Войне)	конфликт между Россией <...>двигался к войне; Россия, послала военные корабли; расширяла ее (России) кампанию бомбежки; российские бомбардировщики начали поразительные военные действия; Россия создала большие военные силы; они (российские войска) могли открыть третью линию нападения; Россия продолжала бомбежку; Россия хочет занять и Южную Осетию и Абхазию; борьба и секретность Кремля перед лицом Западного протеста; остановить российские нападения; призываем к концу российских бомбежек; реактивных самолетов бомбили область; больше чем 80 человек были убиты, включая 40 гражданских жителей, которые умерли в авианалетах в Гори; 800 человек были ранены, почти все из них гражданские жители (Грузии)
11.08.2008	Russians Push Past Separatist Area to Assault Central Georgia (Русские выдвигаются в Сепаратистскую область, чтобы напасть на Грузию)	Россия расширила свое нападение на Грузию; Западные склоны (демократические) Грузии раздражают Кремль; шаги России причинили широко распространенную международную тревогу и гнев; Россия готовила почву для интенсивной дипломатической конфронтации с США; уничтожение

		<p>(Россией) вооруженных сил прозападного президента Грузии; военное действие - военно-морские и ракетные удары, являются наибольшим обязательством российских сил вне ее границы, начиная с краха Советского Союза; Россия наращивала ее нападение; российская агрессия не должна остаться без ответа; Россия стремилась использовать конфликт; российские снаряды артиллерии ударили по городу Гори; российские парашютисты и их абхазские союзники боролись против грузинских специальных сил; Россия сбросила бомбу; Россия дважды бомбила фабрику авиации; все действия были предназначены, чтобы ударить по грузинским военным силам; действия Русских военных</p>
12.08.2008	Russia's War of Ambition (Военные амбиции России)	<p>Михаил Саакашвили попал в западню Москвы; Кремль измывался и шантажировал своих соседей; вторжение России в Грузию; российские бронированные транспортные средства двинулись в Грузию; обстрела и гражданских и военных целей (Россией); опасение относительно всеобщего нападения (Россией) на столицу и демократически избранное правительство г. Саакашвили; (Путин) настроен повторно захватить большую старую советскую сферу влияния; нападение на Грузию спланировано (Россией); (Россия) измывается над Украиной и пугает любого другого соседа; размещения действительно</p>

		нейтральных международных сил по поддержанию мира, но не российские отряды; (Путин) задушил свободную прессу России; запугивания Москвы
13.08.2008	Bush sent the help and demanded, that Moscow left (Буш посылает помощь и требует, чтобы Москва ушла)	Россия показывает военное господство над областью; Россия выполнит ее обязательство прекратить военные действия; наступление России; Россия может вторгнуться к ее соседу, занять столицу, свергнуть правительство; российские силы продолжали работать в нарушении перемирия.
ГЕРОИЗАЦИЯ		
08.08.2008	Russia and Georgia Clash Over Separatist Region (Столкновение России и Грузии по поводу Сепаратистской Области)	Русские военные прибыли, чтобы помочь российским силам по поддержанию мира; российскими силами по поддержанию мира в Цхинвали
09.08.2008	In Georgia Clash, a Lesson on U.S. Need for Russia (В Столкновении Грузии с Россией, урок для американцев в сотрудничестве с Россией)	Путин координировал помощь беженцам, которые сбежали из Южной Осетии в Россию
10.08.2008	Georgia and Russia Nearing All-Out War (Грузия и Россия приближаются к Всеобщей Войне)	Силы по поддержанию мира (российские)
11.08.2008	Russians Push Past Separatist Area to Assault Central Georgia (Русские выдвигаются в Сепаратистскую область,	-

	чтобы напасть на Грузию)	
12.08.2008	Russia's War of Ambition (Военные амбиции России)	-
13.08.2008	Bush sent the help and demanded, that Moscow left (Буш посылает помощь и требует, чтобы Москва ушла)	-

Анализ публикаций общенациональной газеты Великобритании «Times» в период военных действий в зоне грузино-осетинского конфликта с 8 августа по 13 августа, показывает, что негативный образ России и ее лидеров в газете «Times» формировался как агрессора, за счет применения в ее адрес и ее правительства, таких ярких экспрессивно-окрашенных высказываний, например, как: «Кремль насаждает на своего крошечного соседа»; «Россия преследовала стратегию, нацеленную на «уничтожение демократии в Грузии»», «Россия ждала повода, чтобы вторгнуться в Грузию», «Россию «опасный и массивный хулиган», «российские военные угрожают Грузии гуманитарной катастрофой», «военное вторжение России», «российская агрессия», «непрерывная российская бомбардировка»; «(Россия) отказывается прекратить бои» и т. д.

Таблица 2. Times об участии России в грузино-осетинском конфликте

ДЕМОНИЗАЦИЯ		
Негативный образ (страны, лидера)		
Дата	Название материала	Содержание материала
08.08.2008	Russia and Georgia move to brink of war (Россия и Грузия двигаются к войне)	Россия бомбит территорию Грузии; три бомбардировщика бомбили город Гори; оказывает (Россия) давление на Грузию; (Россия) отказывается прекратить бои; военное оборудование и бронированные

		транспортные средства входили в Южную Осетию; три российских бомбардировщика бомбили город, ранив семь человек
09.08.2008	Russia turns might of its war machine on rebel neighbour Georgia (Россия повернула военную машину на соседа мятежника Грузию)	Непрерывная российская бомбардировка; Россия ведет войну; самолет России напал на военные цели в Грузии; Если Русские победят Грузию, то у мира будет неприятность; Кремль насаждает на своего крошечного соседа
10.08.2008	Georgia pulls troops out of South Ossetia capital (Грузия уводит отряды из столицы Южной Осетии)	Российские отряды вступили в Грузию; российские военные самолеты обстреливали военное летное поле; российские военные самолеты бомбили военное летное поле; Россия была обвинена в «уничтожении его прежнего советского союзника»; Россия готовилась открыть второй фронт; Лидеры Эстонии, Латвии, Литвы и Польши осудили «агрессию» Москвы; сравнения между российскими действиями и тактикой из Нацистской Германии; Россия преследовала стратегию, нацеленную на «уничтожение демократии в Грузии»; Москва поглощена переписыванием карты Кавказа
11.08.2008	Russia attacks Georgia on two fronts as conflict escalates (Конфликт нарастает: Россия нападает на Грузию на двух фронтах)	Российского вторжения на двух фронтах; Кремль продолжал игнорировать международное давление для перемирия; Россия продвинулась на грузинскую территорию без признака того, что ее наступление прекратиться; Россия пыталась занять Грузию; российские танки шли через сельскую местность; российские отряды выполняли убийства;

		<p>злоупотребления прав человека (Россией); истребители Русского Мига, бомбящие грузинские позиции; силы (России) установили артиллерию на границе Грузии; перспективам договорного перемирия был нанесен удар (Россией); вторжение России на грузинскую территорию продолжается; недостатке уважения (Россией) к территориальной целостности Грузии; не было «никакого оправдания» для военного действия России в Грузии</p>
12.08.2008	<p>President Saakashvili guards scramble to protect him from air raid risk (Президента Саакашвили охраняют от риска воздушного налета)</p>	<p>Россия пробовала свергнуть демократически избранное правительство; планировала напасть на гражданский аэропорт в Тбилиси; российские силы заняли Гори; Москва видит его (М. Саакашвили) свергнутым; Россия ждала повода чтобы вторгнуться в Грузию; (Россия хотела) уничтожить г. Саакашвили; Россия повредила ее международную репутацию; Россию «опасный и массивный хулиган»; российские военные угрожают Грузии гуманитарной катастрофой; российское вторжение было запланировано; Российская агрессия</p>
13.08.2008	<p>Shaky Caucasus ceasefire holds amid claims of tanks in Gori (Шаткое перемирие на Кавказе удерживается из-за танков в Гори)</p>	<p>Российские силы продолжают движение к Грузии несмотря на перемирие; после ее (России) «агрессивного» поведения в Грузии</p>
ГЕРОИЗАЦИЯ		
08.08.2008	<p>Russia and Georgia move to brink of war (Россия и Грузия двигаются к войне)</p>	<p>Россия, поддерживающая мир в Южной Осетии; трое российских военных, которые поддерживали мир; Президент России</p>

		Медведев был решителен встретиться с его Советом Безопасности сегодня и рассмотреть чрезвычайные меры
09.08.2008	Russia turns might of its war machine on rebel neighbour Georgia (Россия повернула военную машину на соседе мятежника Грузию)	Москва ответила на грузинское наступление
10.08.2008	Georgia pulls troops out of South Ossetia capital (Грузия уводит отряды из столицы Южной Осетии)	-
11.08.2008	Russia attacks Georgia on two fronts as conflict escalates (Конфликт нарастает: Россия нападает на Грузию на двух фронтах)	-
12.08.2008	President Saakashvili guards scramble to protect him from air raid risk (Президента Саакашвили охраняют от риска воздушного налета)	-
13.08.2008	Shaky Caucasus ceasefire holds amid claims of tanks in Gori (Шаткое перемирие на Кавказе удерживается из-за танков в Гори)	Россия продолжала выражать ее гнев по грузинской агрессии и злодеяниям; Россия сказала, что имеет 74 мертвых, 171 раненных и 19 отсутствующих в своих вооруженных силах; нападение на российские силы; нападения Грузии на российские силы

Проблема имиджа России в мировом сообществе назрела давно. Об этом неоднократно говорили, в том числе, и западные эксперты.

В будущем, в связи с обострением борьбы за мировые ресурсы, нарастает вероятность вооруженных конфликтов, в которые напрямую или косвенно может быть вовлечена и РФ. При этом обычные войны (с применением вооруженных сил) будут неизбежно сопровождаться информационными войнами. Результаты последних будут во многом определять исход вооруженных конфликтов. К настоящему времени диапазон и интенсивность применения информационного оружия стали настолько велики, что имеются прецеденты достижения победы в конфликтах только за счет его использования, без применения традиционных средств вооруженной борьбы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Таким образом, информационное противоборство осуществляется путем проведения мероприятий, направленных против систем управления и принятия решений (Command & Control Warfare, C2W), а также против компьютерных и информационных сетей и систем (Computer Network Attack, CNA). До последнего времени страны СНГ практически не осуществляли ясной государственной позиции по этой проблеме, что, в свою очередь, данная обстановка дел неоднократно являлась упущением или недостатком для стран СНГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С завершением «холодной войны» проблема войны и мира приобрели новое звучание. Надежды на то, что XXI век будет более безопасным для человечества, чем XX, пока не оправдываются. Наблюдается рост числа неядерных, локальных, межгосударственных и внутригосударственных конфликтов. В условиях роста разрушительной силы обычного оружия, последствия этих конфликтов становятся все более опасными. Между государствами сохраняются разногласия по многим вопросам.

Несмотря на научно-техническое развитие «фактор силы» в современных межгосударственных отношениях все еще играет ведущую роль во взаимоотношениях государств. От того, какие подходы к проблемам современности возобладают в ведущих странах, а также то, будут ли они сотрудничать в разрешении тех или иных конфликтов, во многом зависит будущее состояние системы международных отношений.

На современном этапе, после того как существовал тысячелетиями «фактор силы» нелегко представить, что существуют и другие способы решения международных конфликтов. Вместе с тем, наравне с фактором «жесткой силы» на сегодняшний день все более нарастает роль и «мягкой силы», которая в отличие от первой более актуальна, мощна и «разрушительна».

Данный фактор оказывает существенное влияние на «существование» более слабых государств, которые смогут на равных, на основе взаимного уважения и доверия договариваться с лидирующими странами, способными выставить миллионные армии.

В результате проведенного исследования особенностей «фактора силы» в современных межгосударственных отношениях были сделаны следующие выводы:

1. Теоретические аспекты силы были заложены еще в XIX веке, в основном американскими учеными, которые полностью дали четкое определение состоянию «фактора силы», что в свою очередь означало, сила любого государства незначительна без его мощи.

2. С древнейших времен сила становится не только постоянно действующим фактором международных отношений, но и находит теоретическое обоснование в трудах ее идеологов. Сила объявляется, чуть ли не единственным средством, обеспечивающим развитие государств, основой международного права. В результате этого всемирная история стала не столько историей народов, сколько историей войн.

3. Тенденции применения «фактора жесткой и мягкой сил» в политике государств международных отношений становятся все более очевидной. Необходимо разрешать споры и конфликты на региональном и глобальном уровне на взаимоуважительной основе, без применения военных сил.

4. Применение «фактора силы» в политике ведущих государств мира – США, России и Китая до сих пор остается актуальным вопросом. США в лице Запада стремится установить свою гегемонию, тем самым оказывая давление на Россию. Одна из причин того, что Россия вновь начинает ощущать себя осажденной крепостью, заключается в политике, проводившейся НАТО после окончания «холодной войны». Там поддались соблазну использовать ослабление государства для укрепления своих геополитических позиций. Что же касается Китая, в лице Востока то на современном этапе это государство может оказать сильную конкуренцию, как США, так и России. Это держава, которая за довольно короткое время сумела утвердиться на арене международных отношений, включая свой экономический, военный и культурный потенциал.

5. Последние события в Центральной Азии и вокруг нее, обусловленные динамикой и характером развития военно-политической ситуации в сопредельных регионах Южной Азии и Ближнего Востока, все в большей

степени свидетельствуют о необходимости формирования устойчивой системы региональной безопасности. Удобное геостратегическое расположение Узбекистана предполагает активное участие в осуществлении восстановительных работ в Афганистане, и в целом укреплении сотрудничества в целях региональной безопасности. Наше государство, являясь одной из немногих стран в глобальном масштабе, кровно заинтересованной в скорейшей нормализации ситуации в Афганистане, и дальше будет последовательно осуществлять практическую деятельность по постконфликтному обустройству этой страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труды государственных деятелей

- 1.1. Каримов И.А. Наша главная задача-дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа. – Т.: Узбекистан, 2010. – 72 с.
- 1.2. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.: Узбекистан, 1997. – 315 с.
- 1.3. Каримов И.А. За безопасность и мир надо бороться. – Т.: Ўзбекистон, 2002. – Т.10. – 95 с.
- 1.4. Каримов И.А. За процветание Родины – каждый из нас в ответе.– Т.: Ўзбекистон, 2001. – Т.9. – 82 с.
- 1.5. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. – Т.: Ўзбекистон, 2000. – Т.8. – 72 с.
- 1.6. Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая Родина. – Т.: Ўзбекистон, 1996. – Т.2. – 102 с.
- 1.7. Каримов И.А. По пути безопасности и стабильного развития.– Т.: Ўзбекистон, 1998. – Т.6. – 132 с.

2. Нормативно-правовые акты

- 2.8. Конституция Республики Узбекистан // ст. 17. внешняя политика Республики Узбекистан. – Т.: Ўзбекистон, 2008. – 75 с.

3. Монографии, книги, сборники статей, диссертации, журнальные статьи

- 3.9. Аснер П. Насилие и мир. – М.: ИСК РАН, 2005. – 126 с.
- 3.10. Благоволин С.Е., Проектор Д.М. и др. Военная сила. Размышления о ее свойствах и месте в современном мире. – М.: Дрофа, 2002. – 163 с.

3.11. Богатуров. А.Д. Синдром поглощения в международной политике. – М.: Просвещение, 2007. – 164 с.

3.12. Гуго Гроций. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 2002. – 316 с.

3.13. Давыдов Ю.П. Россия, США и интегрирующаяся Европа // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 11. – С.3-5.

3.14. Жураев С., Касимова Н. Актуальные вопросы современных международных отношений. – Т.: Akademiya, 2008. – 256 с.

3.15. Касымов А., Васькин И. Основные направления внешней политики Республики Узбекистан. — Т.: Шарк, 1994. – 134 с.

3.16. Касимова Н.А. Соединенные Штаты Америки в региональных интеграционных процессах (политико-экономический аспект): Автореф. дисс... док. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2002. – С. 47-48.

3.17. Китаев Н.И., Рыбкин Е.И. Противоборство сил прогресса и реакции в современном мире. – Минск: НОФМО, 2001. – 164 с.

3.18. Кокарев А.А. Борьба двух направлений в мировой политике. – М.: Университет, 2004. – 182 с.

3.19. Косырев Д. Развитие Китая на современном этапе // II науч. конф. Института Дальнего Востока РАН и Китайского института современных международных отношений 23-24 июня 2004. – М., 2004. – С.77-82

3.20. Латифов Д. Проблемы сотрудничества государств Центральной Азии и Афганистана\\Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек, Институт политологии, 2006. – 292 с.

3.21. Лебедева М.М. «Мягкая сила» как средство регулирования международных отношений. – М.: Наука, 2005. – 204 с.

- 3.22. Маннопова О.С. Политологическое изучение проблем регионального развития и безопасности в Центральной Азии в зарубежной русскоязычной литературе: Дис. канд. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2004. – 93 с.
- 3.23. Мюнклер Х. Терроризм как стратегия коммуникаций. – М.: Internationale Politic (русское издание), 2001. – 112с.
- 3.24. Назаров И.А. Американские ученые о социальной психологии современного международного терроризма // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 12. – С. 14-17
- 3.25. Николаев С. А. Вызовы и угрозы региональной безопасности в Центральной Азии // Большая игра. – 2008. – № 6. – 56 с.
- 3.26. Никольсон Г. Дипломатия. – М.: Постскриптум, 2006. – 179 с.
- 3.27. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика/И. Н. Панарин. – М, 1999. С. 48.
- 3.28. Поздняков З.А. Системный подход и международная политическая теория. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1996. – 215 с.
- 3.29. Позднякова Э.А. Баланс сил в мировой политике: теория и практика. - М.: ИСК РАН, 1993. – 192 с.
- 3.30. Приходько О.В. Россия-США-Европа и проблема Косово // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 12. – С. 25-27
- 3.31. Салмин. А.М. Внешнеполитический механизм Российской Федерации. – М.: Наука, 2003. – 169 с.
- 3.32. Теробов О.В. США - Ирак: триумф, провал или тупик? // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 12. – С. 15-18
- 3.33. Туляганова Н.У. Афганский конфликт и его последствия в контексте становления новой системы безопасности в Центральной Азии: Дисс...док. полит. наук. – Т.: УМЭД, 2006. – 86 с.
- 3.34. Удалов В.В. Баланс сил и баланс интересов. – М.: Международная жизнь, 1998. – 137 с.

- 3.35. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский. – М.: Международные отношения, 2001. – 198 с.
- 3.36. Цыганов В. В. Информационный менеджмент и национальная система информационного управления и противоборства/В. В. Цыганов. - Юбилейный: Издательство ПСТМ, 2008. - 28 с. С. 13-15
- 3.37. Шаваев А.Х. Военная мощь государства. М.: Свободная мысль-XXI, 2004. – 129 с.
- 3.38. Шахназаров Т.Х. Грядущий миропорядок. – М.: ТГЮИ, 2007. – 223 с.
- 3.39. Aron. R. Paix et Guerre entre les nations. – P.: Notre Europe, 1994. –45 p.
- 3.40. Aron. R. Republique imperial. Les Etats-Unis dans le monde. – P.: Seuil, 1998. –78 p.
- 3.41. Clark W. Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism and the American Empire. - N.Y.: Boulder, 2003. – 225 p.
- 3.42. Cline R.S. World Power Assessment . A Calculus of Strategic Drift. – Washington: Random House, 1996. – 184 p.
- 3.43. Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now // Reports of the Republican Coordinating Committee 1965-1969. – Washington: National Committee of the Republican Party, 1997. – 98 p.
- 3.44. Goldeier J. The Paradox of American Power. – L.: Oxford, 2002. – 169 p.
- 3.45. Gorbachev M. Perestroika. New Thinking for Our Country and the World. – N.Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 2005. –37 p.
- 3.46. Huntington S. The Erosion of American National Interests. – N. Y.: Foreign Affairs, 1997. – 237 p.
- 3.47. Kahn H. and Bruce-Briggs W. Things to Come . Thinking about the 70's and 80's. – N. Y.: Policy Review, 2004. – 224 p.

- 3.48. Kaufman Y. Power and International Relations. Military Policy and National Security. – N. Y.: Princeton, 1998. – 149 p.
- 3.49. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. World Politics in Transition. – Boston: Little Brown and Company, 1998. – 183 p.
- 3.50. Kissinger H. American Foreign Policy. – N. Y.: United States Information Agency, 2001. – 96 p.
- 3.51. Knorr K. The Power of Nations. – N. Y.: Brooking Institution Press, 2002. – 159 p.
- 3.52. Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. US Institute of Peace Press. 13 p.
- 3.53. Lexington: Praeger Publishers, 1999. – 212 p.
- 3.54. Morgenthau H. Politics among Nations. – N. Y.: Harper & Row, Publishers, Inc., 1998. – 257 p.
- 3.55. Nuechterlein D. United States National Interest in a Changing World. – Lexington: Praeger Publishers, 1999. – P. 176.
- 3.56. Nye J. and Owen W. America's Information Edge. – N. Y.: Foreign Affairs, 1996. – 115 p.
- 3.57. Nye J. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. – N. Y.: Basic Books, 1990. – 145 p.
- 3.58. Nye J. Soft Power. – N.Y.: Random House, 2002. – 203 p.
- 3.59. Nye J. The Paradox of American Power. – L.: Council on Foreign Relations Press, 2002. –11 p.
- 3.60. Padover S.K. Psychological warfare and foreign policy//The theory and practice of international relations. Englewood Cliffs, 1960. - P. 45-50.
- 3.61. Puchala D. The History of the Future of International Relations. – N.Y.: United States Information Agency, 1996. – Vol. 8. – 242 p.
- 3.62. Russel B. Power. A New Social Analysis. – L: Holt, Rinehart and Winston, Inc., – 2002. – 202 p.
- 3.63. Schuman F. International Politics. – N. Y.: Avon Books, 1997. – 152 p.

3.64. Smith J.A. The Growth and Decadence of Constitutional Government. – N. Y.: Henry Holt and Company, 2001. – 178 p.

3.65. Stossinger J.G. The Might of Nations // World Politics in Our Time. – New York, 1995. – № 5. – P. 98-103

3.66. Tolipov F.F. ‘Power being’ and ‘power projection’ of Russia in Central Asia // Materials of international conference “Two decades of Re-emerging Russia: Challenges and Prospects”, (6-7 March 2012). – Mumbai.-2012.

3.67 U.S. Naval Institute Proceedings. Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation. – N.Y.: Foreign Affairs, 2008. – P. 61.

3.68. Vedrine H. With Moisi D. France in Age of globalization. – P.: Brookings Institution Press, 2002. – 144 p.

3.69. Wolfers. A. Discord and collaboration. – Baltimore: Brookings Institution Press, 2001. – 189 p.

4. Периодические издания (газеты)

4.70. Кокошин А. Новый международный контекст // Независимая газета. 25 мая 2000 год.

4.71. Перспективы решения Афганской проблемы // Народное слово. 9 декабря 2006 год.

4.72. Предложения Республики Узбекистан в решении Афганской проблемы // Народное слово. 28 марта 2009 год.

4.73. Сакс Дж. Стоит ли хвалить Клинтона за процветание Америки // Независимая газета. 18 августа 2000 год.

4.74. Patterns of International Terrorism 2004 // Central Intelligence Agency. June 2004 year.

4.75. The United States and Europe after the Cold War // Foreign Policy. 8 August 2001 year.

5. Интернет-ресурсы

5.76. Гриняев С. Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспективы // <http://www.infwar.ru>

5.77. Новости Центральной Азии // <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1078225320>.

5.78. Резолюция 1483 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4761-м заседании // <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2003/res1483.htm>.

5.79. Философский словарь // <http://www.philosophy.ru/library/vopros/61.html>.

5.80. Черешкин Д., Смолян Г., Цыгичко В. Реалии информационной войны // <http://www.politic.donetsk.ua/terror/terror016.shtml>

5.81. Шафрански Р. Теория информационного оружия // http://msnhompages.talkcity.com/ReportersAlley/fatekhvergasov/_private/Inform_War.htm

5.82. Шевяков Т., Жаров М. Хроники информационной войны // <http://lib.aldebaran.ru>

5.83. Facts and figures on the European Union and the United States // http://www.eurunion.org/eu/index.php?option=com_content&task=view&id=1746&Itemid=9.